

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Боже, как всё верно. Не определяющие судьбу и часто жалкие по своей сути земные страсти, оказывается, непостижимым образом накладывают отпечаток на многие промыслы людей, их сознание, сам образ жизни. Страсти эти лишнут и отвлекают. Подчиняют и унижают. Но как бывают они сладостны и утешны. И сил порой никаких отказаться.

Вот ротмистр Мазепа — жандарм и знаток политического сыска, человек основательный и семейный, — любил потчевать себя цирком. Чудил? Ну, что вы! Он ходил на представления с участием акробатов, наездниц, эквилибристок — всех этих грациозных искусниц и чаровниц — совершенно осознанно, но совсем не потому, что был тонким ценителем вольтижировки и разных там сальто-мортале. Не ловкостью, изяществом и молодостью восхищали его манежные дивы, а умением преподносить плоды своей тяжёлой работы так, что вокруг разливался праздник. Где такое ещё увидишь? Не в полицейском же участке! И к презрительной болтовне эстетов, что-де цирк есть искусство низкое, изобретённое исключительно для черни, Мазепа относился с недоумением. Хотя в полемике ни с кем не вступал и пренебрегал обязанностью отвечать на глупое зубоскальство коллег, подметивших, что почти вся секретная агентура их охранного отделения носила откровенно балаганные клички — «Клоун», «Факир», «Жонглёр»...

Нынешней же ночью затребовал он к себе на частную квартиру ещё и платных «штучников» — «Самсона» с «Трапецией». («Штучники» — это осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое отдельное своё поручение). Два часа Иринарх Гаврилович поочерёдно их едко отчитывал, брезгливо помня о невозможности поступиться принципами, иначе надавал бы обоим тычков — было за что.

Буквально накануне, заглянув в чайную Попечительства о народной трезвости, где подвизалась распорядительницей его давний «милый друг» мадам Жирмунская, он нарвался там на плевков, испачкавший ему мундир и карьеру. Об испорченном ужине и вспоминать не хотелось.

...Белые нервные пальцы хозяйки перебирали струны гитары. Тонко сервированный стол и продуманно приглушённый свет уютного кабинета намекали на особое расположение к гостю, звали освободиться от всяких условностей. Как хотелось в этот вечер стареющему бонвивану по-юношески увлечься, потерять голову, почувствовать себя счастливым. Но, надо же, без стука, по-хамски в двери вдруг задёргалось испуганное лицо полового: «Ваше высокоблагородие, там...» — и исчезло. Мазепа раздражённо бросил на тарелку шейную салфетку, вышел из кабинета. Поставил минуту, оглядывая пустующий общий зал заведения. В чём дело? И тут заметил, как из библиотеки выскользнул клещеногий мужичонка в шапке «буфетке». Чиркнул спичкой — закурить, видимо, хотел. Но вдруг взвизгнул как-то по-заячьи — то ли пальцы огнём обожгло, то ли офицер в голубом кителе чёртом ему показался.

— Эй, заплатник, — поманил его пальцем ротмистр.

Но тот не подчинился, живо сдвинул шапчонку на нос и ловко сунулся обратно за дверь. «Что тут происходит?» — зашагал Иринарх Гаврилович через залу. И вот

он — плевок. Дверь из читальни — настезь. Из полутьмы навстречу Мазепе — брань и серые фигуры,двигающие локтями. Смяли. Только морозный пар у входа да запоздалая трель свистка городского. Неслыханно! Но самое скверное: он — начальник охранного отделения жандармского управления — и на грязном полу, а над ним мадам Жирмунская руки заламывает.

«Р-ракальи!» — замотал ротмистр головой, отгоняя постыдное видение. Встал из кресла, подошёл к «Самсону»:

— Это я не вам, голубчик, хотя вы тоже заслуживаете быть наказанным. Если к четвергу фамилии негодяев, свивших гнездо в чайной на Пречистинской, не станут явными мне, обещаю: жалкое ваше существование меня интересовать перестанет. А вы, Татьяна Андреевна, — после ухода «Самсона» невежливо задышал в лицо «Трапеции», — расстарайтесь любезно возобновить отношения со своим бывшим антрепренёром господином Алымовым. Не забыли ещё такого? Прекрасно. Есть сведения, что этот фигляр — ба-альшой симпатизант социалистов. И цирк свой использует не только для развлечения публики. Тобольск — городок никудышный. В нём трудно что-либо утаить. Особенно от нас. Но некоторые круги общества — вы понимаете, о чём я говорю? — как-то выпали из нашего поля зрения. Мы не знаем, какие в них царят настроения, на кого молится нынче богема. А знать бы хотелось. Особенно сейчас. Подумайте над моим предложением и своим будущим.

* * *

— Что-то случилось? — встретил Танечку вывесочный живописец Палестин, в чулан которого она постучала после нервной встречи с Мазепой.

— Ротмистр вызывал, — уклонилась от поцелуя барышня и огляделась. — Где у тебя тут присесть можно, я бы сейчас папиросу выкурила.

Палестин смахнул пыль со старенького стула.

— Садись сюда. А вот папирос как раз и нет, кончились. Но я могу к Алымову подняться.

— К какому Алымову? — изумилась Танечка.

— Тому самому. Из цирка. Он вчера вечером к соседке моей сверху, титулярной вертихвостке Жирмунской, заявился. С чего бы это, как думаешь? О ней же слухи по городу ползают, ну, всякие такие разные слухи.

Танечка как-то отстранённо спросила:

— Ты-то откуда Алымова знаешь?

— Так он за полночь вдруг спустился ко мне, представился и пригласил присоединиться к их обществу. Ей-богу, раньше никогда с ним не встречался. А тут... в карты всю ночь играли, вино пили. Ты думаешь, надо было отказать?

Палестин хотел ещё что-то добавить, но осёкся. За тонкой стеной комнатухи, увешанной небрежной кисти пейзажами, послышался раскатистый властный голос, требующий впустить алчущего объятий Бахуса отставного штабс-капитана Алымова немедленно. Танечка побледнела и прошептала: «Ни-ни». Но Алымов уже восшеествовал. Важно неся породистое лицо с тонкими, «щёлочкой», усиками и умными глазами, он прошёл к столу и, не спрашивая разрешения, свалил на него несколько увесистых свёртков: «Вот, это вам, мой дивный знакомец и любезный художник. Ночью за картами вы столь внимательно меня понимали, что я проникся к вам симпатией, граничащей даже с некоторой влюблённостью. Поверьте, людей, умеющих молча поддерживать беседу, сегодня уже и не встретишь». Алымов довольно потёр руки, повернулся по-военному — всем корпусом сразу — и встретился взглядом с Танечкой. Брови его поползли вверх.

— Да, это я, Цезарь Юльевич, здравствуйте.

Алымов замешался, но подошёл и поцеловал ей руку.

— Неожиданно. Весьма неожиданно. Ожидал увидеть вас где угодно, но здесь!

— А что тут загадочного? Палестин — мой близкий товарищ. Мы с ним единоверцы по убеждениям. Встречаемся, заговоры плетём.

— Вот как! Значит, тут замешана политика? Это меняет дело. Мне всегда нравились карбонарии и рыцари без страха и упрёка. Хотя, — он театрально обвёл рукою убранство клетушки, — я проник в эту вашу конспирацию отнюдь не с целью поде-

литься с вами раздумьями о переустройстве мира. У меня томление духа по другому случаю. Татьяна Андреевна, помогите хозяину хоть как-то сервировать стол. Там в пакетах есть всё нужное, даже бокалы.

Усевшись за стол, Цезарь Великий, как за глаза звали его в труппе цирка, ловко открыл бутылку шампанского. Не замечая сползающей на скатерть пены, разлил напиток.

— Сидеть будем плотно, — предупредил твёрдо и показал пальцем на потолок, — Вера Феокистовна упорхнула по казённой надобности, дай бог, до вечера. Ваше здоровье, — выпил и подцепил на вилку маринованный груздь.

Танечка смотрела на гостя не отрываясь. Ей вспомнился Алымов двухлетней давности — барственной сытости брюнет, сухо принявший от неё рекомендации одной влиятельной особы, просящей «любезного друга» не оставить своими заботами юное существо, мечтающее расцвести и состариться на арене, без особых, однако, к тому талантов. Цезарь Юльевич определил её тогда, жалея, в конный аттракцион — чистить лошадей. Танечка исправно ухаживала за редкой стати «аргамаками». А ночами в споре с печальным выпивохой ковёрным клоуном на подмену Бимом разучивала свой номер, могущий, по их замыслу, сорвать такой аплодисмент, какому бы позавидовала сама Улыбова — «тигрица дрессуры и женщина без нервов», как кричали о ней афиши и разносчики газет. Алымов, узнав, тайные репетиции не просто не одобрил, говорят, был взбешен. Брандмейстер Закладьев шепнул Танечке по секрету о решительном намерении Цезаря вычистить конюшни от заговорщиков, а Бима упрятать в инфекцион-палату, дабы не разносил заразу своевольства по его вотчине. Всё могло обернуться плохо. Закончилось же ещё хуже. Бим пришёл на последнюю перед показом репетицию с «прозревшими веждами». Не сдержал слова, принял где-то «на грудь». При сборке лёгкой конструкции, на вершинном пяточке которой Танечка должна была крутить свои сальто, он бездумно сунул крепёжный штырь не в то отверстие. Танечка покалечилась.

— Татьяна Андреевна, я рад видеть вас снова, — вернул её из далёкого Алымов. — После той страшной трагедии в цирке вы куда-то надолго пропали. Как складывались ваши обстоятельства? Вы сейчас вполне ли здоровы?

— Спасибо, у меня всё хорошо. Я нашла себя в другом деле. А вот у вас, я слышала, не всё как будто бы ладно. Представления в цирке стали идти с большими перерывами. Отчего? Хорошо бы только мы, но недовольны любители во всём городе. Мы ждём ваших оправданий.

— Ах, публика, я её понимаю. До наших трудностей ей мало дела. А мы замахнулись на готовку новой программы, — Цезарь немного помолчал. — Но, увы, не рассчитали силы. Реквизит надо везти издалека, да и дерут за него втридорога, актёры в провинции работать не хотят, капризничают, требуют и славу, и деньги сразу. Ну и, потом, вы же сами видите, что творится в губернии. Крестьяне жгут помещиков. Кругом неповиновение и саботаж. Пишут, что и в столицах пролетарии после разгона советов продолжают не только громить магазины, но и в казаков стрелять! Власть растеряны. Революция! До цирка ли тут? Кстати, вы что-нибудь слышали о драме в здешних каторжных тюрьмах? Слухи носят самые невероятные: бунт, усмирение, десятки погибших кандалников. Смотритель тюрем Богоявленский выказал публике зубы дракона: несчастных узников, говорят, добивали прикладами прямо в камерах.

— Да, мы знаем об этом злодеянии. И знаем также, что Богоявленский заслуживает смерти, — быстро и решительно ответил Палестин. — Вы, Цезарь Юльевич, согласны с нами?

Алымов откинулся на спинку стула, достал из жилетки дорогой работы «брегет», щёлкнул крышкой: «Давайте-ка, друзья, я схожу ещё за шампанским, а потом и свежим нашими симпатии».

Наблюдая в окно за широко шагавшим по мостовой Цезарем, Палестин упрекнул Танечку, да и себя тоже, в излишней откровенности перед малознакомым человеком:

— Ох, не похвалит нас товарищ Елисей, говорим много лишнего. Шпики кругом, доносчики. Циркач этот, конечно, человек обходительный, но кто знает, что у него

на уме?

— Успокойся. Цезаря жандармы тоже на подозрении держат. Что они против него имеют — не знаю, но Мазепа сегодня плевался, говоря о нём. Требовал, чтобы я опять сошлась с цирковыми и доносила об их настроениях. Ой, чую, плохо всё это кончится. Ну, да ладно. Вот что, дружочек, я сейчас уйду. Встретиться обещала с рабочими из Пароходного товарищества. А ты поговори с барином осторожно: не согласится ли он помочь нам с оружием. Сюда больше не приду, кто знает, может, за Алымовым уже и слежка идёт? Поэтому, если что-то надо будет, найдёшь меня у моей бабушки. Адрес не забыл? А послезавтра к восьми вечера приходи на Леонтьевский ручей. И прошу тебя: не опаздывай. Пароль тот же.

* * *

В лавке купца Босоногова неприлично брюхатели на полках заморской выдувки бутылки, сплошь нарядные, с крутым оплечьем, дорогие. За их парадным, благородного стекла фасадом плескалось солнце виноградников Прованса и Мозеля, благоухал букет ароматов Калабрии и Араратской долины. Алымов даже растерялся:

— Братец, поведай-ка мне, сиволапому, какими путями в наш городишко попал сей ценный погребок?

Из-за стойки посмотрел жёлтыми глазами болезненного вида малый, коих на Руси частенько называют «оглоблями»:

— Извиняйте, ваше превосходительство, за знанья жалованье нам не прибавляют.

— Хорошо ответил, нахал, цену. Только в чине меня не повышай, я человек маленький. Заверни-ка для начала вон ту без портрета и скажи: мальчишка для посылок имеется?

— Как же, содержим-с. Тимофей Егорыч! — крикнул приказчик.

Выскочил чистенький белоголовый отрок. Увидев господина в шубе, какие носят одни миллионщики, разинул рот.

— Принеси перо и бумагу, — скомандовал ему Цезарь и быстро набросал несколько строк на листе, тут же очутившемся на прилавке. — Снесёшь в 24-й номер «Ямской». Вот тебе пятак. А ты, остряк толковитый, — улыбнулся «оглобле», — приложи к заказу ещё парочку «Тенерифе» и передай хозяину мой гросс-комплимент.

— Как изволите отрекомендовать вас?

— А никак, сам догадается.

Приказчик упаковал вино, отсчитал гостю сдачу, вышел проводить его на улицу и мёрз, пока тот не скрылся в парадном подъезде находящегося недалеко от лавки дома екатерининских лет ещё постройки. Потом, уже за стойкой, вспомнил, как утром от того же подъезда на скромной «шарманке» отъехала разряженная фифа Жирмунская. «Надо удивить господина ротмистра», — подумал и недобро посмотрел в окно.

Однако он более бы удивился сам, послушав картинно трагическую, с налётом экзальтации, хмельную исповедь своего недавнего визави, которую тот выплёскивал сейчас на размякшего от вина Палестина:

— Вся моя скорбь проистекает из людских страданий и неумеренной глупости властей. А поскольку первое есть следствие второго, то туза следует бить «шестёркой», — пальцы Алымова выбили дробь на столе. — Это по поводу моих симпатий к Богоявленскому. Но такой расклад невозможен по причине, так сказать, разности физических величин. Что тогда остаётся? Правильно, друг мой, пить и плакать. Есть, правда, и другая постановка. Вы случайно не знакомы ли с фортификацией? И слава богу. Хотя это тоже искусство, и весьма занимательное. Я, штабс-капитан в отставке, когда-то от скуки весьма им увлёкся и даже подумывал об академическом образовании. Мои соображения о применении полузабытых циркумвалаций во фланговых операциях под Ляояном даже рассматривались в ряде штабов. «Станислава» 3-й степени мне пожаловали. Но недурственную, по-моему, идею, как, впрочем, и значительную часть Маньчжурской армии, угробили, идиоты, — Цезарь помолчал, грузно облокотился на стол и, как будто извиняясь, протянул: — Я тогда, как обманутая

девка, загрустил, перегрустил и утешился, решив проверить надёжность сих укреплений только уже на себе.

— Эт-то интересно, — икнул Палестин.

Алымов потянулся к бутылке, повертел её в руке и неожиданно спросил:

— Вы давно любовались коллекцией вин Босоногова?

Юноша пожал плечами.

— Приказчик, — продолжал глядеть на бутылку Цезарь. — Где я раньше мог видеть его рожу? А ведь она, мнится, мелькала в деле неприятном для меня. Старую, однако-с. Но продолжим. Однажды, будучи совершенно здоров, я забрёл в аптеку за не помню какой мелочью, а вышел оттуда больным. Оказывается, в сей обители врачевания и милосердия можно без труда приобрести яды и химикалии. Но самое поразительное — элементы, из которых при известном желании нетрудно составить динамит! — Алымов многозначительно посмотрел на собутыльника. — Вот вам и двери кованые, вот вам и стража при них, думал я, воротясь домой. Зачем бить мозоли, возводя вокруг себя аршинной толщи стены, коли любой, пьяной отваги булдыжник бросит снаряд, и ваш жалкий мирок развалится на осколки. Я оставил свою затею. Глупо.

Какую затею, Палестин так и не понял. Равнодушно позёвывая, изменившимся, однако, голосом он спросил:

— Господин импресарио, а где злодеев отравой снабжают? Не у Сенной ли площади случайно?

— Другого вопроса я и не ждал. Возьмите, — Цезарь Юльевич положил на стол несколько ассигнаций. — Провизора зовут Арон Самойлович. На улице Сибирской его знают все. Но мой вам совет: сходите лучше в Чёрную слободу. Именно. В магазинах-то оружием нынче не торгуют. Запрет-с. А ловкачи да барышники за милую душу предложат вам игрушку менее опасную и более надёжную, чем гремучая смесь. Слышал я про одного такого дельца. Болдырем, кажется, зовут. Вот его и найдите. А про разговор наш забудьте. Не было его.

* * *

Около двенадцати часов пополудни из 24-го номера гостиницы «Ямская» вышел человек, сразу и не скажешь, какого возраста. Запахивая на ходу крашенную крушиной шерстяную шинель на меховом подкладе, он неспешно спустился лестницей в нижний этаж. Там к нему сразу прилепился прилизанный коридорный, ловко подхватил протянутый ключ, шепнул угодливо, что «экипаж их давно дожидается», и кинулся, опережая, к входной двери. Отъезжающий, наткнувшись взглядом на собачьи преданные глаза служителя, гадливо махнул перчаткой: «Не мешай». И лакей сник, обидчиво шмыгнул носом.

Выйдя на крыльцо гостиницы, господин в шинели обозрел поданную ему «каре-ту» — узкие сани с верхом, возницу, согнувшегося на козлах почти у самого крупа саврасого мерина, — и воскликнул недовольно:

— Поедем далеко, а ты одет с прорехами.

— Мы привычные, — даже не обернулся кучер.

— Ты меня не понял: поедем очень далеко, — повысил голос подошедший.

— Так што, впервой, што ли?

— Ну, гляди, — усмехнулся господин, назвал место, куда надо ехать, и забрался в холодное чрево возка.

За городом, бойко проскочив пару вёрст печально известным каторжанским трактом, влетели в рыхлую осыпь малоезженной просеки. Лошадь начала всхрапывать, увязая в снежном крошеве. Вознице ударами кнута и глухой бранью какое-то время удавалось заставлять её тащить сани, но скоро он и сам обессилел, натянул вожжи.

— Спите? — обернул потное, широкоскулое лицо к седоку. — Вертаться надо. Здесь, однако, ночами волки хороводы водят. Не отобьёмся.

Господин вылез из возка, покачал головой:

— Н-да, а в имение мне позарез как нужно. Есть туда другая дорога?

— По реке можно, однако. Но от неё всё равно никак. Страсть как снегу много. И сейчас, гляди, — мужик поднял кнутовище вверх, — метель идёт. Вертаться надо,

ваш благородие, страшно.

— Хорошо. Выбираемся на тракт. Оттуда попробуешь рекой к Царской засеке выехать, а там я пешком дойду.

— Не буду ходить туда, господин офицер, лошадку жалко.

— Дурак, три рубля плачу, экие для тебя деньжищи!

Чёрные створки рта кучера дрогнули в заиндевелой бороде, по щеке скользнула слеза:

— Не невольте, барин, детки у меня, помёрзнем здесь до смерти.

— Становись к запяткам и рви сани сзади, я с уздой сам управлюсь, — зашипел господин и сунул под кушак возницы дуло тяжёлого «Смит и Вессон».

Небо на глазах темнело, крылось седыми космами, нижние концы которых уже цеплялись за верхушки елей. Стал постанывать лес.

«Наддай!» — зычно разносилось по округе. «Шайтан тебя раздери», — шепталось за кибиткой.

— Раскачивай, раскачивай! — орал встрёпанный, потерявший фуражку седок. — Влево, влево выдёргивай. Стой! Теперь вправо давай!

Отдохнув, начинали снова. Матерились, скрежетали зубами. И били, били измотанную лошадь. Мужик заплакал, когда в снежной замяти выяснились вдруг сбившиеся табором сани. Знал по опыту: направляющийся в город обоз, опасаясь быть разорванным метелью, станет здесь на ночёвку. Вон и костры уже дымят, люди спуют. Повезло, кажется.

— Поди поищи хлеба, и выпить чего, — сунул деньги вознице офицер. — Согремся и дальше двинемся.

Однако возок больше с места не стронулся. Поджидая ушедшего искать провизию извозчика, господин из «Ямской», имени которого мы так и не узнали, устало забылся в ознобной дремоте. Ему не позволили воспользоваться оружием, на которое он, в общем-то, всегда рассчитывал. Навалились сразу двое — ражие, тяжелые. Прижали, запрокинули голову. Свинцовые пальцы обхватили шею и не отпустили нужное время. Тело вытянули для удобства из возка, раздели до исподнего, оттащили в темень и быстро прикидали снегом. У дальнего костра долго ругались, деля найденное в карманах убитого. Потом пили водку и слезили песню о тяжёлой ямщицкой доле.

* * *

Ночь. Уснувшая улочка. Земская больница. В ней — чистенькая комната. А в комнате застиранные занавески на окне, стеклянный шкаф с пробирками и микстурами, деревянная, скоблёная до желтизны, тахта у стены. Нечищенные сбитые сапоги городского в растёкшейся под ними луже приковывали внимание заспанного санитаря:

— Бог с вами, Ларион Ульяныч, какой оборванец! Мне порядочных людей велено в коридоре укладывать, а вы всё это, тряпьё какое-то подзаборное свозите. Куда девать-то его?

— Положено, Тараканов, смирись, — брякнул шашку на тахту служивый. — Который уж год лодырем здесь сидишь, а всё не раскорячишься башкой своей, что начальство строго требует осматривать таких и доклад представлять. Вдруг беглый он, а может, и хуже ещё кто. Эй, вы там, заноси.

Дворники, не очень церемонясь, за руки, за ноги втащили босого стонущего человека.

— Вишь, как обделали бедолагу. Замерзал под трактиром. Шевелись, Тараканов, лампу ближе давай. И лицо ему от волосьев освободи, — бая, склонился над босяком урядник, — О, да это ж Васька татарин, извозом у «Ямской» промышляет. Знаю я такого. А ну, вывёртывай его из лохмотьев, всё, что найдёшь, сюда складывай. Что это? — удивился. — Деньги? Ну-ка пошли отседова, — махнул дворникам. Подумав, вышел следом. — Не болтать! — зыкнул свирепо. — Понадобится, призову.

Санитар задрожавшими вдруг руками разглаживал листы купюр.

— Сто десять, Ларион Ульяныч, откель столько? — еле слышно спросил городского.

- Давай сюды, разберёмся.
- Тараканов, передавая деньги, зашептал просяще:
- Ларион Ульяныч, а может, того, разделит не поровну. Могилой молчать буду.
- Знаю я тебя, худоротый, тут же к лавке припустишь. А где водка, там язык, что бабий ухват в печи грохочет. Осмотри Ваську и смажь его, чем есть.
- Городовой присел к столу и зашелестел купюрами. Санитар сделал ещё одну попытку:
- Десять рублёв всего, Ларион Ульяныч, за Христа ради прошу!
- Полицейский одёрнул его взглядом:
- Начальству сообщать надобно. Тут недавно артельщика Маругина с убивством ограбили. Не оттуда ли денежки, а, Тараканов?
- Зря не поделился Ларион Ульяныч. Ну, дал бы больничному прощелье пятюк целковых — много ли, если подумать? Тот после недельного загула и не вспомнил бы, откуда богатство такое на него свалилось. А сейчас — высокий кабинет, сухое лицо ротмистра. Судом пахнет. Эк неладно-то.
- Деньги, Громыхайло, меня мало интересуют, не тряситесь. Их вы обязуетесь вернуть в казну до копейки, не правда ли? — Мазепа ногтем мизинца приоткрыл одну из лежащих на столе папок. — Сколько там у нас изъято у пострадальца в действительности? Ага, сто десять рублей. Вы же указали в донесении только десять. Bravo!
- Бес попутал, ваше высокоблагородие, заступитесь!
- Верю, голубчик, истинно верю, — Иринарх Гаврилович был в прекрасном расположении духа, издевательски иронизировал. — Санитар показал, что предлагал вам скрыть найденное у несчастного, но вы остались тверды в отправлении своих обязанностей. Благодарю за службу!
- Рад стараться! — рявкнул городской.
- «Боже, какое ничтожество, с кем приходится иметь дело», — выругался про себя Мазепа и нажал кнопку звонка.
- Вошёл инспектор охранного отделения Щекутьев.
- Что возница? — спросил его ротмистр.
- Плох, Иринарх Гаврилович, распух, говорить не может.
- Скверно. А что дал розыск в трактире?
- А что он может дать? Простите. То есть я хотел сказать: вы сами знаете, какая там публика собирается. Если что случается, сразу и слух, и зрение теряет. Некий Сила Луков вспомнил, правда, что видел вчера, кажется, Ваську татарина в кабаке, но зачем тот босым в сугроб полез и куда его лошадь девалась, он, по причине чёрного запоя, отвечать не может.
- Вы Лукова этого разомните хорошенько и в тёмной подержите, может, и вспомнит чего. Деньги у извозчика большие оказались. Быть того не может, чтобы это не удивило никого. И «Ямскую» проверьте. Этот Васька там, кажется, клиентов подбирал.
- Щекутьев вышел, а Мазепа подошёл к Громыхайло.
- Вот что, болезный. Будешь татарина с ложечки кормить, носить на руках будешь, пока не узнаешь, откуда у него деньги такие взялись.
- Городовой порозовел: пронесло вроде. Вытянулся:
- Не смлевайтесь, ваше высокоблагородие, выпытаю!

* * *

А Васька татарин помирал. «Антонов огонь» лизал ему ноги, липкой испариной обжигал лицо, рвался наружу криком. В палату заходил похожий на птицу-секретаря фельдшер, равнодушно приоткрывал больному веки, перебирая его костистую руку, шупал пульс. Выходя, недоумённо косился на сидящего у постели полицейского. «С чего такая честь забуддыге?» — лениво думал о Ваське. Урядник прикрывал за фельдшером дверь, неумело поправлял сползающее одеяло, нависал над чёрной головой лежащего.

— Васенька, — уже в который раз заводил жалобный скулёж, — помоги, сердешный. Вспомни верно, где денежку взял. Очень нужно. Доктор вот ноги спилить

тебе собирается, а я не даю, жалею. Как можно? Человеку без ног нельзя. Освободи душу, покаяйся, ми-и-лай.

Васька с ужасом смотрел на шевелящиеся усы и свирепые бакенбарды «посиделки». Боль, белые стены, страшные слова незнакомца — где он? Откуда доносятся и сливаются в жутком хоре чьи-то предсмертные хрипы и плач одинокого колокольца? Мрак, холодный мрак зачем глядит на него из маленького оконца — цепенящий, густой, влекущий? Мысли путались. Жизнь уходила.

Худо было и Громыхайло. Странно, но он не казнил себя за украденные деньги, вернуть которые — уже не вернёшь: сынок родимый («убью молокососа!») выпросил займы для покупки ценных бумаг на вырост и промотал, как вскрылось, всё за вчерашнюю ночь в каком-то притоне. Бог с ними, деньгами. Долгая служба и не из таких передраг научила выскальзывать. Худо, что в извозчика охранка вцепилась. Видать, дело серьёзное, политическое. С этими не забалуешь. Умирая, Васька приговаривал Ларион Ульяныча к позору и, может быть, тюремной тоске. Подумав, пошёл к доктору. Вчерашний выпускник медицинского факультета заглянул в «скорбный лист» больного и снял очки:

— Зря вы здесь пропадаете. У нашего с вами подопечного бред и галлюцинации — типичные для таких случаев проявления. Как я понимаю, вы что-то желаете узнать от него? Напрасно теряете время. Летален.

— Чего, чего?

— Помрёт, говорю, скоро. Ступайте лучше домой и выспитесь.

В узком тамбурочке на выходе Громыхайло столкнулся с Таракановым. Коротко, без замаха, сунул тому кулак в подреберье, сплюнул и пнул охнувшую от удара дверь. Что ж, остаётся одно. И он — во спасение своё — решился на обман.

По многим причинам опасаясь Мазепы, попросился на приём к Щекутьеву и полушёпотом, будто родному человеку, поведал тому предсмертную исповедь возницы. Из неё выходило, будто подобрал Васька у «Ямской» пьяного офицера. Вёз его, вёз к «Народной аудитории», а тот взял да и выпал где-то на повороте. При этом забылись тем офицером в возке ридикюль, набитый деньгами, дамские перчатки и револьвер.

— Хотя, про револьвер, может, и слышалось, — спохватился урядник и виновато забубнил: — Так уж слаб был покойник, так плох, что еле разбираю я, чего он шепчет. Упокой его душу в радости.

— Врёшь ты всё, братец, — не дослушав, подвёл итог разговора Щекутьев и по телефону позвонил кому-то. Переговорив, уставился на урядника: — Ну, что с тобой делать, хапуга? Пойдёшь до полного разбирательства в охранную команду. Опыт вышибать мозги революционерам у тебя есть. Но смотри: шалости свои брось, иначе под трибунал загремишь, время нынче суровое. Уразумел?

— Дык стар я уже за ссыльными-то бегать, господин секретарь. И оклад в команде — рази ж только на сухари и хватит.

— Вот рожа! — неподдельно изумился Щекутьев. — Я его от суда спасаю, а он ногами сучит, сопротивляется, — и, не выдержав, закричал: — На рудниках сгниёшь, рукосуй, за препятствия, чинимые дознанию! Стар он уже. А деньги красть и языком молоть чушь всякую сил у тебя, шкура, хватает? Исполнять и не прекословить!

Успокоившись, вызвал заведующего отделом наружного наблюдения Дедюхина. По поручению Мазепы стал выговаривать ему:

— Чем заняты твои молодцы, Тихон Макарыч? Водкой в подворотнях греются? А вот не хочешь ли взглянуть на циркулярную телеграмму из Петербурга? Чистейшая оплеуха! Нам — оттуда! Велят взять под негласный надзор почётного гражданина Корякова, который по сведениям департамента, является руководителем здешних эсеров и злоумышляет у нас под носом смертоубийства и экспроприации. А мы тут спим. Или чего делаем? Слышал ты о таком Корякове?

Дедюхин вынул платок и высморкался. Стал жаловаться на плохую погоду и жалкую одежку своих подопечных. Замотали, мол, людей до обмороков.

— А надзиратели, что квартальные, что вокзальные, нет чтоб в помощь придти, так они, растуды их мать, сплошь мздоимцы да тайные хищники, только и лупают

глазищами, кого бы обобрать почище. Корякова того знаю. Только в городе его орлы мои не видят. Прячется, должно быть. Дом его недалеко от винной лавки Босоногова, вот здесь, — ткнул пальцем в карту города. — Там, по нашим сведениям, верхний этаж снимает вдова покойного Жоржа Жирмунского, а полуподвал приспособлен под вывесочную мастерскую. В ней молодой парень рекламы работает. Ничего такого вокруг дома не замечено. Хотя, живописец тот, кажется, племянником Корякову доводится или кем-то там, не знаю, — Дедюхин потёр виски: — Но я вас понял, Николай Васильич.

— Вот-вот, Тихон Макарыч, раз Коряков сам где-то затаился, значит, к парню этому приставь человечка, пусть пару дней походит за ним. Может, и узнаем чего интересного.

* * *

Молодости приписывают многие грехи: и легкомыслие, и безоглядность, и беспечность. Не забывая, впрочем, что и такие добродетели, как бесстрашие, пытливость и смекалка, тоже ей присущи. «И чего мы тут всего боимся? — невесело думал Палестин, подходя к низенькому домику с резными подзорами — единственному такому в кривеньком переулке, именуемом Леонтьевский ручей. — В столицах вон слышно, народ чуть самодержавие не скинул, конституции добился, а мы всё болтаем да мечты строим. Надо что-то такое совершить, чтоб увидели в городе: есть и здесь сила, которая царизма не боится. Скажу сегодня об этом, а если не услышат, сам начну действовать. Вот схожу завтра же в слободу, оружие добуду. А план у меня есть».

Провериться бы ему, юноше светлому, поосторожничать где-нибудь за углом, как назидали опытные товарищи. Может, и заметил бы тогда чужую тяжёлую тень, тянувшуюся за ним от самой Калачной улицы и слившуюся сейчас со старой больной ивой, из-за уродливых сухожилий которой по-волчьи желтели в ночь окна со знакомыми ставнями. К чёрту страх. Впереди — жизнь и борьба! Палестин решительно шагнул за калитку. Условный стук. Боевая группа социалистов-революционеров в сборе.

А тень эта, помедлив, оторвалась от дерева, метнулась по снегу к холодному телу избы, ловко изогнувшись, прилепилась к щели, оставленной непростительно между занавесками. И замерла-то всего на несколько минут. А уже через полчаса участковый пристав Чернолобов тем же условным стуком оборвал речь Танечки — «Трапедции», ставящей точку в деле Богдавленского, которого окончательно осудили на смерть путём расстреливания непременно при публике на одной из городских улиц. Третий член боевой дружины, он же приватный ветеринар Акулов и он же хозяин дома, услышав «дробь — пауза — дробь» звукового пароля, недоумённо оглядел присутствующих и резко подкрутил фитиль лампы.

— Ваше благородие, — вывернулся из-за угла и вскочил на крыльцо пышноусый детина урядник, — свет в доме погас, поберегитесь. Раз дверь не отпирают, чую, щас палить начнут. Помните, как с типографщиками вышло?!

Чернолобов помнил. Недавно, сразу после святок, по наводке «штучника» Актёра они окружили неприметную лачугу в Затоне. Понимая, что гектограф и оружие есть прямая дорога на виселицу, бандиты устроили им тогда кровавую баню: трое убитых стражников и двое покалеченных. «Многовато-с! Если и здесь такое повторится, разжалуют. За мать милую, разжалуют!»

— Вахмистр! — уже не таясь, закричал он. — Дверь ломать! Людей товсь к стрельнию по окнам и уловлению тех, кто бежать начнёт! А ты, Громыхайло, живо на задний двор. И гляди, чтоб никаков человек не пролез!

Суэта охранной команды и тем более эта — на кого рассчитанная? — стряпня со стуком мало испугала конспираторов. На случай таких вот наскоков дом был продуманно приготовлен. Пока Чернолобов топтался на крыльце у входа, боевики из сенного погребца по добротному прокопу без труда протиснулись в хлев, задняя стена которого нависала над тёмным оврагом. А за ним — густой чернотал, петли заячьих следов и спасительные тропинки к охотничьим кордонам. В хлеву было темно, но Акулов быстро откидал сено, нащупал и открыл потайную дверцу, выглянул нару-

жу. И тут только, вспомнив что-то, зашептал:

— Татьяна Андреевна, а ведь с вашей-то ногой овраг не перейти. Снег глубокий. И тропы, надо думать, перемело. До ближнего кордона версты две-три идти, не осилите. Эх, времени у нас совсем ничего. Через несколько минут эти архаровцы здесь будут: дверь в избе выломают и лаз непременно найдут. Давайте-ка вот что: быстро одевайтесь, — он пошарил по стене рукой и снял с гвоздя полушубок, затем сунул Танечке пустое ведро, — Пока во дворе никого, попробуйте к колодцу пробраться. Увидите, он сразу за хлевом, направо. Если что, плачьте, мол, соседка я, Шахова по фамилии, за водой сюда хожу. На реку, мол, тяжело калеке, вот сюда и хожу. За колодцем тропинка есть через соседский огород, уйдёте.

Ветеринар осторожно приоткрыл дверь, взгляделся в темноту и, немного помедлив, подтолкнул Танечку: «С богом!» Проследил, туда ли она направилась, и сжал руку Палестина. Накинув на себя какие-то лохмотья, боевики вывалились в овраг.

Громыхайло в это время обогнул угол избы. Человеком он был бывалым, потому сразу присел и осмотрелся. Двор был пуст. Только телега, с задранными вверх оглоблями и груженная как будто сеном, чернела у сарая. К ней, недолго думая, урядник и двинулся. И тут где-то совсем близко звякнуло-ёкнуло пустое ведро. Громыхайло сдёрнул с плеча винтовку.

— Кто здесь? — передёрнул затвор.

Но ему никто не ответил, хотя в непроглядной за телегой темноте явственно слышался хруст снега — кто-то торопливо удалялся за хлев. Урядник нырнул под оглобли и, ещё никого не видя, осевшим вдруг голосом скомандовал:

— Стой! Стреляю!

И только когда в метрах двадцати от себя услышал: «Не надо, не надо, дяденька», — рассмотрел человека. Подскочив к нему, он рванул его за высокий воротник полушубка. «Баба, что ли?» — обомлел вначале, но потом глухо зарычал:

— Чего тут делаешь? Кто такая?

Танечка плаксиво объяснила. Громыхайло, опять же за воротник, приблизил её лицо к своему и взгляделся: «Чисто сопля зелёная, на революционерку вроде не похожа», — решил про себя и замахнулся прикладом:

— А ну пошла отседова, дура.

И видя, что девка, видимо, парализованная страхом, не шевелится, ударил её. Танечка упала, но поднялась и, прихрамывая, утащилась за колодец.

Громыхайло матюгнулся и вернулся к телеге. Зарывшись в сено, тоскливо стал думать о своей давней трещине судьбине. И когда от сарая вдруг донеслась до него многоголосая брань, он не сразу понял, что происходит.

— Спишь, подлюга! — вырос перед ним Чернолобов и тяжёлым ударом повалил вскочившего урядника на снег. — Где они? — орал пристав. — Почему не стрелял? Отвечай!

— Дык что случилось-то, ваше благородие? Ей-богу, никого не видал, — утёр окровавленную губу Громыхайло. — Девка одна только и топталась тут с ведром, за водой приходила. Соседка. Так прогнал я её. А чужих, как есть мне провалиться, ни одного не замечено!

— Что за девка? За какой водой? Вахмистр, а ну проверь соседей и давай ту девушку сюда.

Через несколько минут вахмистр доложил, что девок в соседнем доме отродясь не бывало, у хозяев едино лишь два сына законных имеется и оба неженатые ещё.

— Так! — зловеще зашипел Чернолобов и спросил топчущегося неподалёку филёра в куцем пальтишке. — Точно трое их было?

— Вот как вас сейчас вижу — трое: баба в платке и двое мужеска полу, один постарше с бородкой, другой — молоденькой ещё, — перекрестился «топтун».

— Так, — ещё раз протянул пристав. — Девку, выходит, эта размазня пожалел и отпустил, а те двое, значит, в овраг сиганули, — и похлопал по плечу урядника. — Теперь тебе, сволочь, точно небо через решётку разглядывать. Ты, вахмистр, смотри здесь всё ещё раз, да хорошенько дом переверни, а я в управление с докладом.

И уже в кошевке снова ударил урядника:

— Если лишат меня должности, заказывай по себе панихиду, морда квашеная!

В управлении, несмотря на поздний час, было многолюдно. В плохо протопленных коридорах толпились просители и лица, преданные правительству, сновали чиновники ведомства с бумагами. Оставляя на полу грязные следы, разносили к печам дрова истопники, полицейские чины выводили из кабинетов дознавателей задержанных, а у отдела наружного наблюдения негромко переговаривались какие-то невзрачные личности. Было холодно. Дежурный офицер поинтересовался, указывая на Громыхайло:

— А этого зачем сюда притащил? К награде представлять? Ну-ну. Мазепа тебе в пояс поклонится. Из начальства, к сожалению, сейчас никого. Если Дедюхин устраивает, шагайте к нему.

Заведующий отделом наружного наблюдения, выслушав пристава, укоризненно покачал головой и попросил пригласить урядника. Осмотрев служителя с разбитой губой, усмехнулся и приказал тому присесть за стол:

— Опиши-ка мне подробно, голубок, отпущенную тобой девицу. Сколько годиков ей? Толста, худая? Нос у ней, брови какие?

— Так я грамоте ить тихо знаю, да и темно было, — замялся Громыхайло. — Как я у ей нос-от разгляжу? В тулупе она. Ну. Молодая. В голос ревела. Соседкой сказывалась. Я б ни в жизнь, знаючи-то. А так чего? Э-э... Хроменькая. Эдак вот ногу тащила, — показал, встав со стула. — И ведро у ей было. Чего теперь со мной-то, ваше благородие?

— Обожди за дверью, — приказал ему Дедюхин и недовольно глянул на Чернолобова. — Эх, Василий Петрович, любишь ты своевольничать. Кто тебе команду давал дом штурмовать? Всего и было-то велено за юнцом посмотреть и не пугать его до времени. Почему никого в известность не поставил? Чего такого «шушер» мой высмотрел в доме, что ты туда с командой наскочил? Бомбы там мастерили? Или людей на куски резали? Кому и о чём сейчас докладывать?

— Но твой «прилипала», Тихон Макарыч, бросился ко мне с сообщением, будто слышал через окно, как подозрительные лица намечают дело чьего-то убийства. Вот я и...

— Я тебя спрашиваю: что в доме нашли? Гектограф? Прокламации? Оружие? Прокурору что говорить будешь? Может, собралась там компания и, напившись, куражилась, а ты с ружьями к ней в гости! И то, что из дому ход имеется под землёй, тоже ни о чём не говорит. Его, скажут тебе, ещё при Ермаке казачки проковыряли, от нехристей спасаясь. И поди докажи, что это не так. А где он, кстати?

— Кто, Ермак?

— Топтун мой.

— Домой отпустил.

— Тьфу! — выругался Дедюхин. — Посылай за ним. Он мне ещё за сегодняшний день не отчитался. Хотя, постой. Докладывать начальству резона не вижу, одни неприятности наживём. Ты ведь понимаешь, что в этой промашке не только твоя, но и моя вина есть — плохо своих «наружников» дрессирую. Сделаем так: ты уряднику своему ещё раз по морде съезди, чтоб молчал. В его же интересе. А я своего ретивого охломона для порядка на десять целковых оштрафую, чтоб знал наперёд, подлец, как инструкции нарушать. Ну, а сбежавший хозяин дома от нас никуда не денется. Так? Так. Паренёк тоже нам известен. Ну, а про хромую девку ты дай команду околоточному, чтоб он тихо в своих улицах людишек пораспрашивал. На Руси хоть и хватает убогих да горбатых, только каждый из них скорбь свою телесную далеко от дома не таскает. Тяжело её носить. Где-нибудь калечная эта выплывет. Вот когда установим её, тогда к начальству и пойдём. Всё, Василий Петрович, не задерживай меня, ориентировок ещё с десятков надо к утру изготовить.

Чернолобов пожал плечами и вышел. На улице, подумав, сунул Громыхайло полтинник и уже по-доброму сказал, чтоб тот сходил куда-нибудь согреться, а завтра дома отлежался.

***

На грязной базарной площади, облепленной лавчонками, питейными заведениями и тёмным галдящим людом, рыжий вертлявый мужик, одетый с некоторой пре-

тензией на шик: и сапоги-то у него начищены до блеска, и лиловая атласная рубаша виднеется под небрежно распахнутым колушом, и медная цепочка от часов свисает из кармашка бархатной жилетки, — сразу привлёк внимание Палестина. Чёрная слобода — место жутковатое. Говорят, в кого здесь ни плюнь, либо в бывшего, либо в будущего каторжника попадёшь. Пропасть можно ни за грош. Юноша про то был слышан и потому обращаться к незнакомцу сразу не стал — кто его знает, что за щёголь? Но рыжий, перехватив взгляд Палестина, чуть вихляясь, подошёл сам.

— Чем-то интересуетесь, мил-человек? — картинно склонил голову набок.

— Да нет, я так, приятеля своего ищу. Где-то тут, сказали, проживает, — грубовато, не глядя на возникшего рядом «модника», ответил Палестин.

— Так быстрее называйте его имя, и ваша встреча скоро состоится, — игриво разведя руки в стороны и притопнув, по-свойски подмигнул мужик.

— Очень благодарствую, однако сам найду.

— Тогда купите у меня превосходное средство от геморроя «Анузоль», — не отставал вертлявый. — Хворь сия очень, скажу я вам, коварственная. Вот вы, к примеру, сегодня ничего такого не подозреваете, а завтра она — бац! — и очень даже запросто случится.

— Что вы говорите! — решил поддержать разговор Палестин и поинтересовался ценой лекарства.

— Так смешная цена, мил-человек. Если вы возьмёте сразу два флакона, отдам и вовсе за полтора рубля. А ещё шелковую тряпицу для втирания присоволюплю. Очень рекомендую.

— Ладно, я возьму у вас эту гадость, но при согласии, что вы поможете мне отыскать Болдыря.

Рыжий как-то странно дёрнулся:

— Как? Как вы спросили? Болдыря? — и резко приблизил своё лицо к лицу Палестина. — Будьте очень потише, мил-человек, а то вы так непочтительно интересуетесь нашим уважаемым Григорием Платоновичем, что даже те, кто этого не слышал, могут за вас расстроиться.

Юноша испуганно приподнял свою шляпу:

— Приношу извинения. Конечно же, конечно, Григория Платоновича. Просто за глаза его, почему-то, чаще называют Болдырем. Уж и не знаю, почему?

— Да то и знать вам не надобно. А вы к нему с каким делом припожаловали? Коммерция? Подряд ищите? Али чего другое?

Палестин обозлился:

— Скажите ему, варвара любопытная, что интерес мой чисто политический. Но Григорий Платонович поймёт с него неплохую выгоду.

Мужик неподдельно удивился, стал нервно оглядываться по сторонам. Но, видимо, решившись на что-то, повёл пальцем:

— Шагай туда — в хоромы Толстомясиhi. Обожди там.

В притоне, на который ему указали, к Палестину неслышно наклонилась молодая, но уже развисшая боками миловидная баба, зашептала просяще:

— Шёл бы ты отселева, парень. Вон как завилась вокруг тебя соколики-то наши. Обберут ведь до нитки, и не поможет никто, — она боязливо оглянулась. — Но поздно, кажется, вон идут уже по твою душу. Ни креста на них, ни погибели.

Баба торопливо отошла к другому столу.

Хлопнула дверь, вошли двое. Один из них — папаха на голове, нос вдлинь лица крючковатый висит, — пошарив глазами по редким посетителям заведения, уставился на Палестина.

— Ты, што ль, к Грыгорью Плаытонычу по полытыческому? — спросил гортанно. — Восставай и дувай за нами.

Палестин спокойно ответил, что хотел бы допить чай: заплачено, мол, уже, да и вообще, он ещё не завтракал.

— Мы тебя в другом месте позавтракаем, — хихикнула «папаха». — Кукиш, говори фрайеру, что мы так не любим. Пошли, друг, Григорья Плаытоныч желает на тебя пасматреть.

Кукиш, устрашающего вида верзила, подошёл к Палестину и легко приподнял

его над скамьёй, подержал немного на весу и опустил на пол:

— Давай, чахоточный, шам-шам ножками и не разговаривай. Любите вы, интеллигенты, скуку на людей наводить.

Палестина вытолкали на улицу и повели (носатый спереди, Кукиш сзади), куда — неизвестно. Сарай, заборы, обтёрханные домишки. Серость, убогость, нищета. У Палестина рябило в глазах и тревожно колотилось сердце. Наконец, «папах» сделал Кукишу знак, чтоб остановились, а сам, отодвинув только ему известную доску в заборе, скрылся в проёме. Громил подтолкнул Палестина: «Полезай туда же». От забора по тропинке прошли к большому, в два этажа, кирпичному дому, у дверей которого Палестину было снова приказано остановиться, очистить обувь о специальную скобу и только тогда заходить.

Во многих домах приходилось бывать юноше, но такого роскошества он ещё не видел. Гобелены, лепнина, дорогое оружие на стенах, многоярусная люстра, мрамор бюстов на красного дерева точёных геридонах. И камин. И что-то похожее на царский трон возле него. И улыбающийся человек, встающий с этого трона и идущий Палестину навстречу.

— А Цезарь вас точно описал, недаром, шельмец, в артиллерии служил, — сообщил он опешившему гостю и, подойдя, протянул руку для пожатия.

— Так, значит, вы знакомы с Алымовым? — облегчённо вздохнул Палестин. — А я, честно говоря, перетрусил. Эти люди... эти страшные улочки...

— Здесь без охраны нельзя, и вообще по-другому нельзя, — беря под руку Палестина, вздохнул Григорий Платонович. — Пойдёмте, героический юноша, для начала отобедаем.

Они прошли несколько сквозных комнат, различных по размерам и убранству, но неизменно показывающих, что владельцем их является, несомненно, очень богатый человек. А вот столовая оказалась на удивление скромной.

— Я не люблю гостей, — угадав мысли Палестина, объяснил хозяин. — И трапезничая, как правило, в одиночестве. Присаживайтесь. Нам подадут сейчас курицу и вино, — он позвонил в колокольчик.

— Дядя Гриша, — спросила вошедшая темноволосая девушка. — Куда закуску ставить, на этот стол или на тот, что у окна?

— Племянница моя, сирота. Отец её — брат мой Борис. Он с женой в Порт-Артуре погибли. Снаряд японский в их дом угодил, — шепнул Григорий Платонович. — Да ставь сюда, Людмила, и сама к нам присоединяйся. Хотя, займись пока своими делами, а то гость наш о тебя спотыкаться будет.

Людмила фыркнула, гордо вскинула голову и вышла.

— Замуж надо выдавать красавицу, да женихи какие-то нынче облезлые всё сватаются, — зло обронил Григорий Платонович и без всякого перехода спросил: — Оружием, значит, интересуетесь? — и, заметив, что Палестин не решается ответить, успокоил его: — Как вас, кстати, звать-величать? Так вот, Палестин Георгиевич, Цезарь коротко посвятил меня в ваши планы. Хотите вы будто грязную свинью Богоявленского пульками пощекотать. И очень правильно хотите. Я бы сам продырявил ему брюхо или дружков своих снарядил, но с властями у меня пока перемирие. А начинать с ними войну из-за этого борова, зная, чем это кончится лично для меня, — неосмотрительно. Но Богоявленский — мой личный враг. Правда, не симпатичны мне и вы — социалисты. Читал я эти ваши — «отнять, поделить»... Но относительно полковника наши взгляды сходятся, и поэтому я помогу вам, — Григорий Платонович выпил бокал вина, закурил папиросу и мастерски пустил под потолок несколько колец из дыма. — А с Цезарем мы вместе учились в военном училище. Только он стал офицером, а я — нет. Угроздило меня убить на дуэли после второго курса одного «сиятельного» подонка. Хорошо, годы не нынешние стояли, а то бы каторгой в Туруханск я не отделаюсь. Там, кстати, с Богоявленским и познакомился.

Палестин с интересом слушал, и его подмывало спросить хозяина: каким образом тот исхитрился поменять нары каторжника на полуцарские покои, в которых они сидят сейчас? Но Григорий Платонович, видимо, не склонен был продолжать разговор и неожиданно поднялся из-за стола:

— Чай допьём после выбора оружия. Следуйте за мной.

В комнате, куда они пришли, их ждал высокий седеющий брюнет, одетый в военный френч без погон. Тонкие черты лица, тонкие, подкрученные усики. Но свежий ещё шрам через левую щеку и слезящийся немигающий левый глаз обезобразили лицо — смотреть на такое не хотелось. Брюнет поздоровался, чуть наклонив голову, и неспешно открыл дверцы массивного шкафа, стоящего у стены, выложил на стол несколько футляров, отошёл в сторону и сделал приглашающий жест рукой.

— Ну-с, затейник-оружейник, показывай свой арсенал, — полуобернулся к нему Болдырь.

— Прикажете начать с германских пистолетов, Григорий Платонович?

— Да нет, наверное. И не потому, что дорогие. Тяжёлые они эти парабеллумы и маузеры. Привыкать к ним надо. И прятать их сложно.

— Тогда, может быть, предложить курковый «Реформ»? Он и стоит всего одиннадцать рубликов, и бьёт на пятьдесят шагов.

— Ты бы ещё «кухенрейтер» нам посоветовал или пицаль стрелецкую.

— Есть очень удобный револьвер типа «Велодог», стоит от двенадцати до двадцати рублей. Но, говорят, не очень надёжен, убой слабоват. А вот, взгляните, — открыл один из футляров, — самозарядный браунинг образца тысяча девятисотого года. Двадцать пять целковых. Стоит того.

— Да что ты нам всё о цене талдычишь, Иннокентий, — недовольно оборвал его Григорий Платонович. — Мне нужен хороший инструмент, а не дорогая пугалка. Что есть из последнего привоза?

Иннокентий вытер платком лоб:

— Но вы просили оставить новинки для особого случая.

— Доставай, — распорядился хозяин. — Этот случай наступил.

— Воля ваша. Вот, — брюнет вынул из шкафа и открыл кожаную изящную коробку, — револьвер фабрики «Льезская мануфактура». Удобен тем, что к нему подходят патроны от «Велодога», браунинга и пистолета ле Франсез. Но гвоздь сезона — дамский браунинг образца прошлого девятисот шестого года. Калибр — 6.35, вес — всего триста пятьдесят граммов, имеет шесть патронов! Исключительная особенность сего изделия в том, что после выстрела из него покойник очень хорошо смотрится в гробу.

Болдырь, явно довольный демонстрацией, весело посмотрел на Палестина:

— Подходит вам такой шпалер?

Палестин не скрыл восхищения:

— А нельзя ли сразу пару таких? Может случиться, что нас двое будет. Скорее всего — двое. Денег у меня должно хватить.

Григорий Платонович вопросительно глянул на Иннокентия. Тот утвердительно кивнул.

— Тогда найди Зейдуллу, пусть он подумает, как пистолетики упаковать и в город незаметно доставить. Сам через пару часов зайдёшь ко мне, хочу тебя в дальнюю дорогу отправить. На, — протянул Иннокентию серебряный рубль. — За показ.

В столовой они допили вино, и хозяин стал прощаться:

— Денег я с вас не возьму. Более того, если акт состоится с нужным мне результатом, я надёжно спрячу вас на время шумихи, а потом вывезу куда-нибудь в Тюмень или Екатеринбург до лучших времён. Ну, а ежели пожелаете остаться, то работа для таких, как вы, у меня всегда найдётся. И последнее. Упаси бог, конечно, но при случае задержания вашей полицией, разрешаю на дознаниях обмолвиться и о моём участии в акции. Всё едино тот же Мазепа никогда не поверит, что Григорий Платонович Калетин может опуститься до связи с социалистами. Убийца, вор и... рэволюционеры! — и цинично добавил: — Это, конечно, от виселицы вас не спасёт, но дело запутает и, может, даже затянет. А кто знает, что будет завтра? Или ишак сохнет, или падишах околеет. И адресок, адресок сообщите, куда оружие доставить.

Они попрощались. Калетин тряхнул колокольчиком и попросил вошедшую Людмилу проводить гостя во флигель, где сдать на руки Кукишу, чтоб тот на извозчике доставил «господина живописца», куда тот укажет.

«Лихач», видимо, получив указания, устроил Палестину долгую «экскурсию» по городу. Слушая вслед себе проклятия встречных «ванек», промчался сначала центральными улицами, потом долго петлял в каких-то переулках, наконец, закатился зачем-то на Алафеевские горы. Там Палестина пересадила в другие сани и уже на них отвезли к Сибирскому торговому банку. Около него остановились, и кучер, подтягивая подпругу на лошади, понаблюдал какое-то время за скользящими мимо пошевнями и кибитками. Зачем? Да, наверное, не из праздного любопытства. От банка Кукиш приказал свернуть к магазину Голева-Лебедева, в котором что-то купил. И только потом поехали на дальнюю окраину подгорной части города, где в неказистой хибаре бабки Татьяны Андреевны боевики затаились после побега из дома Акulloва. Перед тем как уехать, Кукиш попросил Палестина нынешним вечером не отлучаться из дома и ждать гостя.

Гость, действительно, появился. Уже стемнело, когда «Трапезия», делая приготовления к ужину, вышла в холодные сени за капустой. Пламя свечи заплескало по нежилому закутку и высветило дверной проём. Что-то в нём зловеще зашевелилось. Танечка всмотрелась и от страха выронила из рук миску — перед ней, неизвестно как здесь очутившийся, стоял и улыбался горбоносый человек в папахе.

— Зачем, красавица, испугался? Я не злой. Пазави Палыстина Георгыча, ему подарок буду давать, — удержал от падения девушку инородец.

На шум выскочил Палестин и, узнав утреннего «громилу» из слободки, успокоил Танечку.

— Меня Зейдуллоу мама назвала, — снял папаху гость и протянул Танечке коробку, в каких обыкновенно упаковывают при магазинах дамские шляпки.

— Давайте в дом зайдём, — перехватил коробку Палестин. — Негоже на холоде презенты принимать.

Зейдулла стал отнекиваться, но его уговорили остаться обогреться и отужинать. Татьяна Андреевна проворно накрыла стол, выставила полуштоф водки и крикнула бабушке, чтобы присоединилась к ним. Но та, выйдя из-за печи и увидев пришельца, с ужасом тайком перекрестилась и, несмотря на сердитый шёпот внучки, решительно отказалась садиться за стол. Зейдулла что-то недовольно сказал на своём языке, отодвинул от себя поставленную перед ним рюмку и принялся за горячие щи.

— А как вы проникли в дом, что никто и не услышал? — спросил его Палестин, когда инородец, облизав ложку, положил её рядом с пустой тарелкой.

— Вах, дорогой, ваша сакля совсем как дырявая бочка: заходи, плохой человек, забирай, что увидишь. Надо дверь, Палыстин Георгыч, деревом внутри подпирать. Вот Григорья Плаытоныч не зря говорит, что не только я, но и в полиции тоже есть джигиты, которые умеют даже огнестойкие шкапы с секретом открывать. А ещё Григорья Плаытоныч папрасил передать, что нужного вам человека в Петербургу вызвали, а когда он обратно приедет, я вам приду сказать. И ещё говорил, чтоб подарок его в доме не держали. Подарок дорогой. И сами мало на улицу ходили. Ищут вас, — ответил Зейдулла и, надев папаху, молча вышел.

***

Вспомнил, вспомнил Цезарь Юльевич, где он встречался с приказчиком из лавки Босоногова. Было это, да, да, — предвоенным летом 1903 года. Стояли, как тогда выражались, чудные погоды, и ехал он, счастливый, к одной молодой интересной даме — Ольге Викентьевне Угрюмовой на хутор, принадлежавший её отцу. Пустошная эта усадьба с небольшим земельным участком и скотным двором располагалась недалеко от татарской деревушки Аремзяны под Tobольском в живописном распадке и имела славу места отдохновения охотников и ревнителей грибной да ягодной ловли. Сам хозяин — отставной подполковник Викентий Угрюмов охоту не любил, но вот рассказы о ней! Из множества людей, в разные годы бывавших здесь, он постепенно составил дружество, хотя и несколько странное для военно-дворянской среды. В святая святых усадьбы — каминную залу — приглашались после возвращения из тайги на «рюмочку чая» не столько удачливые стрелки, сколько яркие рассказчики. И их родословная здесь абсолютно никого не интересовала. Беседы и только беседы. В числе прочих на мягких диванах вкруг камина сжививали и ссыльнопоселе-

нец Савельев, и купец Радин, бывал, хотя и редко, частный ветеринар Акулов.

Сам Алымов впервые попал на хутор буквально несколько дней назад по приглашению своего приятеля — штабс-капитана Вязова (погибшего вскоре героически под Мукденом), редкого гуляки и записного балагура. Вязов, пребывая тогда, как и Алымов, в отпуске, при встрече в Дворянском собрании шепнул Цезарю, что знает место, где живёт, манкируя губернскую столицу, ну истинная королева:

— Ты, Алымов, бьёмся об заклад, влюбишься в неё непременно. Чудо как хороша барышня. А как поёт! Поедем, будущий Скобелев, не пожалеешь, благо тут недалеко — вёрст десять всего.

«В самом деле, а почему не съездить?» — решил Цезарь. И на следующий день они приехали в усадьбу. И была встреча с Оленькой. И душный вечер, когда она провожала их. И было испрошено разрешение приехать снова. И молчаливое согласие хозяйки тоже последовало. Сколько же раз он успел в те дни повидаться с девушкой? Наверное, раза три. Или четыре? Вскоре отпуск его закончился, и он отбыл в полк. А весной следующего 1904 года он вместе со своей батареей уже участвовал в тяжелейших боях на Квантунском полуострове. Получил ранение. Лечился. Снова воевал. И снова был ранен. Чудом избежал плена (в начале апреля большую партию раненых успели эвакуировать в тыл, прежде чем японцы окончательно перерезали дороги и замкнули кольцо вокруг Порт-Артура).

Но это было потом. А пока он ехал на свидание к Оленьке, и лилась в его душе музыка дивного романа «Я ехала домой. Я думала о вас...», который вчера, как ему показалось, проникновенно и не без намёка исполнила девушка.

Царская засека — охотничья (или сторожевая?) избушка, от которой до самой усадьбы версты две ходу, была уже недалеко, когда рысак Алымова трёхгодовалый «Аргус» вдруг шарахнулся с дороги и чуть не опрокинул лёгкую коляску на пружинной подвеске. От неожиданности Цезарь как-то неловко вывалился на обочину, не выпустив, однако, вожжи из рук. Он вскочил, успокоил коня, осмотрелся и хотел уже было снова залезть в повозку, но тут сзади кто-то сильным и выверенным ударом по подколенным сухожилиям заставил упасть его на колени. Острое жало ножа упёрлось Алымову под лопатку. «Тихо, офицерик, не трепыхайся и быстро говори, куда кости тащишь?» — раздался над ухом чей-то хрип.

— Что вам нужно? Я... я... просто выехал размять рысака, — сдавленным голосом ответил Цезарь.

— Тебя, офицерик, мне сам господь послал. Поможешь из тайги выскочить, живым оставлю, — нападавший больно сдвинул горло Алымову. — Казачки меня, вишька, обложили. А спереди на дороге, я сам видел, «фараоны» заставой стоят. Про меня рты разевают. Вот сейчас мы туда и двинем. И ты, офицерик, скажешь им, что дружок я твой и катаемся мы, стало быть, по природе вместе. Тебе поверят. А как они нас пропустят, я, отдохнув, с колясочки твоей через версту спрыгну. Ну, и смотри у меня: кроме кесаря я ещё и наган имею, если звякнешь лишнее, враз зажмуришься.

Ну что мог сделать в такой ситуации Алымов? Согласиться и действовать потом по обстоятельствам. Не видя ещё человека, напавшего на него, он догадался, что был это либо беглый с каторги, либо промышляющий на лесных дорогах разбоем «дергач», лёжку которого обнаружила полиция. «Главное, увести его от усадьбы», — подумал Цезарь и твёрдо произнёс:

— Хорошо. Только править экипажем я стану сам. «Аргус» чужого слушаться не будет.

В это время, очень кстати, с той стороны леса, откуда выскочил беглец, послышалась чья-то переключка. Цезаря тут же отпустили и подтолкнули к коляске. Алымов хотел было взглянуть на того, кто столь унижительно грубо с ним обращается, но его предупредили, чтоб «офицерик не оглядывался и боты свои побыстрее двигал». Пришлось подчиниться. Разворачивая на узкой дороге экипаж, Алымов мучительно думал, что же предпринять? И тут, бросив взгляд на упряжь, сообразил, что более удобного момента, как при посадке в повозку, избавиться от страшного «попутчика», пожалуй, не будет. Поэтому, лишь только лихоимец ухватился за края колясочного каркаса и поставил одну из своих ног на подножку, Цезарь неожиданно зычно подал «Аргусу» команду, какие используют обычно в конкуре. Рысак резко, будто уви-

дев перед собой преграду, сильными ногами оттолкнулся от земли и прыгнул. Взлетели вверх оглобли, а с ними и не успевший среагировать налётчик. Не дав ему опомниться после удара о каменистое ложе дороги, Алымов, тут же выпрыгнувший из повозки, несколько раз ударил его ногой в голову. Потом быстро перевернул обмякшее тело вниз лицом и связал ему руки вожжой. Оружие бандита трогать не стал, просто на ощупь убедился, что оно на месте, и устало опустился на пыльный камень у обочины.

Скоро на просеку выскочили казаки. Было их человек шесть-семь. Матерно ругаясь, срывали с себя коптыри — мешки из рядна для защиты от комаров — и, закидывая винтовки за плечи, подскочили к месту схватки. Начальствующий над командой подхорунжий, увидев звёздочки на погонах Цезаря, небрежно откозырял и, укаывая на связанного окровавленного человека, раздраженно выдавил:

— Пошто, ваше благородие, забили варнака? Он живой нужон был. Двое их бежало. Где теперь искать остального?

— Да дышит он, господин подхорунжий, — зло проговорил один из казаков — приказный по званию.

— Ну, раз дышит, значит, бежи к заставе, скажи, что одного поймали. Пусть исправнику донесут, нехай едет и принимает его. Да вот, — подхорунжий махнул рукой на сидящего Алымова, — и допрос надо с поручика снять. Так что вы уезжать повремените, ваше благородие, государственное дело, значица.

Пока ждали исправника, подхорунжий, нервно покуривая, разъяснил Алымову, кого тому только что пришлось стреножить на дороге:

— Мы же за этими зверюгами по тайге уже второй год как с перерывами бегаем. Энтот и выблядок его Верхотуровы. Последние они из шайки, что грабёж на просёлках учиняла. До того одолели изверги мужиков тутошних, так ожесточили, что те сами взяли их в охоту. Главаря и ещё нескольких подстерегли и стрельнули самосудно, а Верхотуровы пропали где-то. Думали, что ушли они из наших краёв или загибли где. Да вот, видишь, вдруг объявились, паскуды. Да как! Прибёг тут третьего дня в наше расположение старик один — охотник из Ляпищей, Лешим зовут. Трясётся весь, плачет: там, говорит, верст пять отсель семья в лесу у дороги зарублена страшно. Барин с барыней к деревьям посечённые привязаны, а две девицы срамно лежат, неприкрытые. Рядом. Сильничали их, видать, а потом... Сундуки, корзины кругом распотрошённые. Лошадь недалеко со вспоротым брюхом. «Что делать? — спрашивает меня. — Я ить по следу-то нашёл их — убивцев. Тащили они барахло-то, да спешили, однако, теряли его — то там платок в траве лежит, то за куст что-то уцепилось. К Заячьей пади так и вышел. Шалаш там стоит и двое их. Жрут чего-то. Я ить старый уже, струхнул в одиночку-то пойти супротив имя. Один-от из них, что молодой, полтора ведь таких, как ты, будет, и наган тряпицей вытирает, злобничает рожей. Что делать?»

Подхорунжий снял с пояса баклагу, сделал несколько глотков и продолжил:

— По описанью Лешего получалось, что Верхотуровы это топорами поработали, знакомцы наши. Ну, велел мне сотник кликнуть охотников. И бросились мы к пади той. Да опоздали — бурелом кругом, болотца, а мы непривычные, тяжело шли, долго. Шалаш — пустым оказался. Леший тогда говорит: «Вы, братцы, покудова отдохните, а я разведуюсь в округе. Ражие они, супостаты, сучьев всё едино под собой наломают, найду». Вернулся вскорости радостный, показывает трубку курительную: «Барина, видать, убиенного. Пошли, братцы, за мной. Теперь знаю, куда они наметились». Вот так три дня и чесали по тайге за ними. Вы простите нас, ваше благородие, за невежливость. Нам бы спасибо сказать вам за помощь в поимке, а мы...

— Да бросьте вы, подхорунжий. После такого и мать родную пошлешь куда подальше. А где второй бандит? Ушёл, что ли? — примирительно махнул рукой Цезарь.

— Кто его знает? Двое моих с Лешим за ним пошли. Но догонят ли? Прёт по тайге он, будто лось. А ещё вот эта пададь решил нас от него отвести: может, думает, удастся сынку унести ноги, если вразбег они кинутся.

Подхорунжий подошёл к старшему Верхотурову, ногой перевернул его на спину, сплюнул рядом с его головой и обратился к Алымову:

— Я почему осерчал-то, ваше благородие? Думал, что кончили вы его. И казач-

ков своих жалко стало — сколь им ещё тогда в дебрях рвать себя придётся. А так я сейчас спытаю у этой падлы, где он с сыночком встретиться сговорились. Там и устрой им свиданьице. Не возражаете?

Алымов, ничего не сказав, отвернулся. Подхорунжий наступил сапогом на заросшее чёрными — с проседью — волосами грязное лицо Верхотурова:

— Сам скажешь или помочь тебе, злыдень?

Но тут вдалеке послышалось конское ржание. А вскоре и пыль дорожная покапала, и бричка из неё вынырнула с эскортом из нескольких всадников. Казаки вскочили, стали наскоро приводить себя в порядок. Построились, когда начальство подъехало. Верховые спешили, а исправник в полковничьем чине легко соскочил из брички на дорогу.

— Нуте-с, герои, — жестом остановил подхорунжего, подбежавшего с докладом.

— Всё знаю. И рапорт в Тобольск о вашем успешном поиске сегодня же отправлю. Эй, Гусынин, — крикнул кому-то, — перечить всю команду охотников поимённо и список мне представить. Буду просить, братцы, чтоб отметили вас медалями. А как же, такого зверя в силки загнули. Заслужили. Ты же, поручик, — пожал руку Алымову, — пояснения дашь Гусынину, что да как тут произошло. И поезжай с богом.

Вот тогда они и встретились. Гусыниным оказался тощий, высокий человек в партикулярном платье с бледным озабоченным лицом, жёлтыми немигающими глазами, и с какой-то неприлично — по-холуйски — согнутой спиной. Кем он состоял при полковнике? Судя по забитому своему внешнему виду, исполнял обязанности писаря небольшой канцелярии в уездном полицейском участке. Должность эта, как известно, была нервной и плохо оплачиваемой. Человек, её занимавший, запросто мог и зуботычину за нерадение получить, и быть обруганным площадно.

Выслушав приказ исправника, Гусынин вытащил бумаги из походного баульчика, переписал указанных казаков и, несколько помявшись, спросил у «их высокоблагородия», какие будут указания насчёт офицера. Тот нахмурился:

— Ты что, душа казённая, меня повторять заставляешь. Поручик, — подозвал Цезаря, — изложите крапивнику, и подробно, обстоятельства вашей встречи с преступником, — и пригрозил Гусынину пальцем. — Всё оформить надлежащим образом и подписать.

«И ведь мне пришлось тогда, — сокрушенно думал сейчас Алымов, — рассказать желтоглазому не только частности нападения на меня, но и куда и зачем я ехал, как давно знаком со стариком Угрюмовым и его дочерью. А зачем он, подлец, выспрашивал: кто бывает в усадьбе и не замечал ли я там лиц подозрительных? Н-да-с. Если приказчик Босоногова и тот Гусынин есть одно лицо, значит, записку мою к Ольге он, скорее всего, прочитал. И, стало быть, жандармы тоже. А впрочем, что в той записке было крамольного? Ну, просил я Ольгу придержать для меня оружие, оставшееся после внезапной смерти отца, а денежный задаток принять от моего бывшего сослуживца Сергея Никитовича Рябцева, который, будучи проездом в Томск, решил меня повидать в Тобольске. Кстати, а почему Сергей так долго не возвращается? Уж не остался ли на хуторе погостевать на недельку? Или случилось что? Надо завтра же съездить к Угрюмовой, а сегодня Калетина навестить».

Вечером, прибыв к дому «хозяина» Чёрной слободы, Цезарь заметил у ворот несколько выездов, на которых дремали кучера, и с тревогой спросил встретившего его служителя, по поводу чего сегодня такой сбор у Григория Платоновича? Тот только развёл руками и пошёл докладывать. Спустившийся через несколько минут в вестибюль Калетин хохотнул:

— Да господа гласные городской думы у меня. Прожекты свои по учинению в слободке заведений разных привезли. Думают, дураки, что я денег им дам для обзаведения собственных делишек. Сейчас мы их выпроводим, и Людмила нам кофе сварит.

— Ну, так с чем пожаловал, друг сердечный, в столь неурочное время? — спросил, когда они уселись у камина.

Алымов сделал глоток ароматного «Мокко», отставил чашку.

— Поплакаться приехал, Гриша. Надоело всё. Или запутался я. Ком какой-то в душе: цирк перестал удивлять, Ольга замуж вышла, раны болят.

— И ты хочешь, чтоб я тебя утешил? А ведь говорил я тебе, что зря ты тогда братца своего прожигу пожалел и рысаков у него выкупил. Он сейчас, небось, в Москве деньги на баб спускает, а ты тут от забот худеешь, — Калетин недовольно покачал головой. — Запутался он. Ладно, с цирком ещё что-то можно придумать, но вот Ольгу из сердца твоего я вынуть не могу. И ещё скажи мне: а к трещётке Жирмунской ты зачем ходишь?

Алымов от неожиданности вздрогнул.

— Господи, ну это ты откуда знаешь?

— Ах, Цезарик, Цезарик. Я бы ещё понял тебя, свяжись ты с распоследней шлюхой из жёлтого дома мадам Дюшон, но с дамой, которую облизывает жандарм Мазепа, уволь!

Алымов побледнел и попросил Калетина объясниться, иначе...

Григорий Платонович, не меняя позы и выражения лица, хлётко осадил друга:

— Горячиться можно, но зачем же кипеть, Цезарь? Ты знаешь, что осведомители у меня есть везде и информация о «весёлой вдове», к сожалению, верная. Уезжай ты отсюда. На курорт, например. Раны подлечишь. А то в столице осядь. Мне там верный человек нужен. И денег я тебе дам.

Цезарь, успокоившись, посмотрел в глаза Калетину:

— Спасибо, Гриша, но куда я от своих коней. На конец апреля назначен показ новой программы. Как я это брошу? — он помолчал немного. — У меня к тебе ещё одна просьба. Друг у меня пропал. Поехал к Угрюмовой с моим поручением и вот уже четвёртый день, как нет его. Пошли своих узнать. Я, сам понимаешь, к встрече с Ольгой не готов.

— Не переживай. Завтра Кукиш узнает, где твой друг.

Через день Григорий Платонович сам приехал в цирк. Без обиняков сразу сказал Алымову, что друг его в усадьбе не появлялся и денег, стало быть, никаких хозяевам не передавал:

— Кукиш своим видом испугал их там до смерти. Пускать вначале не хотели. Но, узнав, что от тебя, сами расспрашивать стали. Ты пока ничего худого не думай. Поищем. Где он, говоришь, останавливался, в «Ямской»?

— В «Ямской», Гриша, в «Ямской», — потерянно протянул Цезарь. — Сорок третий номер. Но ты, знаешь, меня тут другое беспокоит, вернее, другая. Морда одна.

— Не тяни, — приказал Калетин.

— Приказчик купца Босоногова. Я же, Гриша, прости меня, господи, за оплошность мою, из его винной лавки в тот день Сергею записку написал и поручил отнести её в гостиницу мальчишке рассыльному. А тут вспомнил вчера, что приказчик-то босоноговский, Гусынин по фамилии, ещё до войны в полиции служил. И, помнишь, я тебе рассказывал о нападении на меня у Аремзян? — он тогда пояснения мои записывал. Точно он.

— Правильно мыслишь, штабс-капитан, — одобрительно кивнул Калетин. — Приказчика пригласим рассказать о своём прошлом и настоящем. Но, друг мой, я почему-то думаю, что охранка тут ни при чём. Ну зачем им далёкий от политики отставной офицер? Чую, деньжата здесь, как опята осенние, какого-то грибочка привлекли. Сумму, кстати, какую повёз твой Сергей? Полторы тысячи? Вот! — Григорий Платонович почесал своё горло, подумал немного и неожиданно спросил: — Слушай, Цезарь, а не мог ли твой гость сам прибрать эти деньги, да и махнуть с ними в свой Томск?

Судя по лицу Алымова, вопрос его оскорбил.

— Ты, Калетин, видимо, забыл, что такое мужская дружба и офицерская честь. Мы с Рябцевым в китайских гаолянах рядом под пулями стояли, и именно он вытащил меня, раненого, когда японцы накрыли нашу батарею.

— Прости, друг, я действительно становлюсь циником. Но линия моих раздумий проста: если твой Рябцев убежал с деньгами, значит, он жив. А ежели нет, то, дай бог, чтобы было не так, как я подозреваю.

Они холодно расстались. И каждый потом поступил по-своему: Алымов заявил в полицию о пропаже товарища, а Калетин запил «горькую». Через пару дней, однако, приведя себя в порядок, зашёл в билиардную, где коротали время его «сратни-

ки». Оглядев расстановку шаров на столе, взял у одного из играющих кий:

— Дай-ка, Миша, я «седьмого» в середину заложу и «третьего» за ним следом. А ты, Северьян, пойдешь, проветришься, я за тебя закончу.

Когда Северьян вышел, Калетин поставил кий в пирамиду, вытер намелённую уже руку и повернулся к знакомому нам продавцу лекарств от мужских болезней:

— Михаил, я, конечно, извиняюсь. Но! Мне кажется, помогая лечить чужие геморрои, ты совсем забыл о женщинах. Не рано себя в монахи записал? Смени завтра своё хламьё, — он подёргал на «рыжем» жилетку. — Трость в руку, котелок на голову и нанеси визит своей Люське Давойтис, прошу прощения — мадам Дюшон, в её лупанарий.

Рыжий отшатнулся:

— Это зачем ещё? Не поеду я к этой стерве, Григорий Платоныч, хоч режьте.

— Поедешь, — твёрдо отрезал Калетин. — Терзать её уже немолодое тело тебе не нужно. Руками поработать требуется. Вот тебе пистолетик, пристрой его в её интимных апартаментах, да так, чтоб потом — в нужное время — нужные люди отыскать его могли. И сделай всё тихо, без скандалов и мордобоя. Понял?

— А одеваться-то «гусаром» зачем? Я, бывало, без фрака в одних кальсонах к ней заявлялся.

— Миша, — укоризненно посмотрел Калетин, — если ты притащишься туда в нижнем белье, то швейцар мордой вперёд спустит тебя с лестницы. Времена меняются. Это вчера Люсьен мелким воровством пробивалась и, думаю, даже чулок приличных не имела, а нынче она дама вся с претензиями. И мужиками бедными стала брезговать. Поговаривают, что сам вице-губернатор тайно посещает её «богадельню». Поэтому, Миша, приличия нужно соблюдать. Да и дело сделать легче будет, если ты явишься к ней не облезлым псом, как раньше, а соколом с золотыми перьями.

***

У дома на Купеческой улице, в котором располагался салон частных встреч Люсьен Дюшон, махали метлами дворники. «Ты, Василья, почто у ворот эку кучу оставил?» — переругивались между собой. «Так нешто то я, Федос? Я ить похмелился уже и могу тебе зубья посчитать», — огрызнулся Василий. И случилась бы драка, да тут к подъезду вышагнул из темноты человек в дорогом долгополом пальто. Поигрывая тростью, прошёл мимо Федоса, но вдруг остановился, приподнял левую руку и пошевелил затянутыми в перчатку пальцами. Дворникам такие жесты были знакомы, и Федос, сделав несколько шагов в сторону посетителя, снял шапчонку.

— Чего изволите, барин?

— Что-то я раньше тебя здесь не видел, — упёрлись в Федоса глаза из-под котелка. — Давно служишь?

— Почитай с октября и заступил, — надевая шапку, ответил Федос, и на всякий случай добавил: — А до того у господина Седальцева при конюшне состоял.

— А дружок твой вроде в участке мне встречался. Нет?

— Так ить, господин хороший, наш брат там нередко бывают. А как же: приказано обо всём, что непотребство для власти обнаруживает, докладать без промедлений, — испуганно снова снял шапку дворник.

— Ладно, это я так, для порядку. Ты мне, мил-человек, скажи лучше: много ли сегодня публики у мадам Дюшон?

— Потемну человек семь прибыло, а которые так и со вчера не уезжали — офицеры, студенты, два, кажется, ещё компания, по виду, купецкая. Голодранцы ещё хотели пройти, да мы их в метлы. Сами понимаете, не велено босякам потакать.

— А у дверей кто нынче встречает? Павел Игнатьич?

Федос перекрестился:

— Да ить, рази вы не знаете, что Павел то Игнатьич в прошлую субботу преставился? А замест его Кольку Хворова отрядили.

— Хм, того, что в «Ямской» коридорным бегал?

— Его, коли знаком.

— Как звать тебя? Федосом? Вижу, Федос, парень ты не скучный и до работы охочий, а погулять с размахом не любишь ли? Ну, недельку на груди у одной горячей

бабёнки сытым и пьяным поспать?

— Кто б отказался. Только ить не за просто же такое сулят.

— Верно, но тебе, мил-человек, и делать ничего не надо. Просто поднимись к Кольке и шепни ему, что человек, состоящий при вице-губернаторе, подъехал. Пусть Колька скажет кому надо, чтоб чёрный ход открыли. Сам понимаешь, мне лишние глаза ни к чему.

— Иделаем. Как не понять, всё исполним.

Федос приставил метлу к ограде, отряхнул налипший снег с валенок, взбежал по лестнице и — видно было — переговорил со швейцаром. Но тот, видимо, не поняв дворника, распахнул двери и заученно закричал:

— Милости просим, ваше благородие, апартаменты, игральные столы, шампанское — всё к вашим услугам!

Господин, «состоящий при вице-губернаторе», присел от неожиданности: «Ах ты, скотина!» — застонал и попятился к ограде. Федос кинулся к нему, но тот замахнулся на него тростью и скрылся в темноте.

Калетин, выслушав сбивчивый рассказ «рыжего» о своём конфузе, попенял ему:

— Миша, к какому забору ты приколотил свои мозги? Ну кто научил тебя так с дворниками работать? Их же выпить сегодня интересуется, а ты им — почём рожь на болоте. Я недоволен. Шагай к девочкам снова. Игрушка под Люськиной подушкой не отменяется, — Григорий Платонович походил по комнате и продолжил с сарказмом: — А вот балаган твой насчёт подручника губернаторского я одобряю. Это ты хорошо придумал. Швейцар, он же полицией не зря к двери приставлен. Господа охранители слабости человеческие всегда коллекционировали. На всякий случай. Вот и мы, придёт пора, вице-губернатора с его потаскухой на крючок подвесим. Люсю, конечно, жалко, но что поделаешь, любить надо себя и только себя. И о будущем своём сегодня заботу проявлять. Иначе из ядущих в ядомые превратимся. Ступай.

На следующий день продавец «Анузоля», во избежание ещё одной промашки, прихватил с собой редкого по своим качествам вора Северьяна, прозванного «Боярином» за любовь носить бобровую шапку и отличавшегося если не изысканными, то вполне приличными манерами поведения. В глухой предполуночный час галантно одетые молодцы, не очень таясь, чертыхаясь, перемахнули через ограду борделя и прошли к еле приметной двери чёрного хода. «Рыжий» светил, Северьян орудовал отмычкой. Поднялись на второй этаж, где на дивно загаженной лестничной площадке Миша скинул своё дорогое пальто и опять же бесшумно открыл замок двери. Опасливо «кавалеры» вошли в плохо освещённый коридор заведения.

Оба не раз бывали здесь, хорошо знали расположение комнат и загодя обговорили план действий. Но планида, что гулящая девка, постоянством, как известно, не отличается, и куда понесёт её — не угадаешь. Вот зачем, например, этот полупьяный, полуголый, обросший жиденьким волосом сморщенный человек выполз из своего номера именно тогда, когда мимо него на цыпочках крались странные посетители?

— Ты кто тут такой? — заступил старичок дорогу Северьяну и стал требовать, чтоб тот принёс ему обещанную при договоре «шампанею». — Я тебя, грош ломаный, — кричал он и наскакивал на улыбающегося «Боярина», — Наскрозь вижу. Ишь, личность разбойная, скалится он, а бутылку «Клико» изволь мне в номер сопроводить!

В другом месте и при других обстоятельствах Михаил поступил бы проще. И лежать бы сморчку на полу посиневшим до приезда санитаров из покойницкой.

— Но сегодня ты меня не разозлишь, — невежливо похлопал он блудника по голому плечу. — Будет тебе шампанское. И для мамзели твоей конфеты тоже будут. Иди к ней, мил-человек, она одна в холодной постеле простудиться может.

Старикан уже более осмысленно воззрился на предупредительного господина, понимающе закивал головой и поплёлся к себе. Гости же, не оборачиваясь, быстро пробежали по коридору к номеру, в котором, как заметил Михаил ещё на улице, не светились окна. В такой час это означало одно — апартамент пустовал. Тихо открылась и прикрылась дверь. Держал фонарь на сей раз «Боярин», а «рыжий» заложил

пистолет, обёрнутый промасленным пергаментом, под тяжёлый резной комод, накрытый вязаной скатертью. Северьян не утерпел, выдвинул один из ящиков, захватил рукой какие-то дамские кружевные невесомости, но, рассмотрев, брезгливо бросил обратно.

Однако дело сделано, надо уходить. Миша взялся было за массивную дверную ручку, да вдруг насторожился и приложил ухо к замочной скважине: ему послышался знакомый голос. Ах, незадача! Кажется, сама мадам Дюшон сопровождала кого-то из клиентов. И жантильное её мурлыканье текло по коридору и приближалось.

— Вот здесь, Исай Корнеич, — с придыханием проговорила кому-то Люся перед дверью номера, в котором затаились взломщики, — я предлагаю вам провести чудесную ночь. Принимайте ключик и устраивайтесь. А наша душка Жоржетта, как только наденет костюм Клеопатры, не замедлит оказаться в ваших объятиях.

«Галантиры» оцепенели. Надо же так влипнуть! Куда бежать? Нахрапом прорываться — значит изгадиться по уши. А Калетин такое не прощает. В самом номере не спрятаться. Под кроватью разве ночь высидишь? Прыгать со второго этажа? Видимо, придётся. Распахнули окно и, перекрестившись, ухнули вниз. Благо что с этой стороны здания снег не убирался, иначе последствия столь непредвиденной ретирады были бы трагичнее. А так — сломанная рука Северьяна да вывихнутая нога «рыжего». Погуляем ещё, рванина!

* * *

В середине апреля непривычно рано для этих мест наступили тёплые погожие дни. Воздух прогрелся, да так, что в некоторых домах заждавшиеся весны обыватели поспешили растворить окна с промытыми стёклами, и по вечерам установленные среди гераней по подоконникам граммофоны выплеснули на улицы чуть потрескивающий — пластиночный — голос Анастасии Вяльцевой. «Где оно, счастье?» — вопрошала красавица у фланирующих по начинающим просыхать тротуарам горожан. И обещала, как казалось каждому — лично: «Жди! Твоя! Приду! Приду!»

Счастье, но уже иного рода, обещали и броские афиши на свежеекрашенных тумбах. Цезарь Алымов приглашал почтенную публику всенепременно и радостно посетить последние перед долгими чужедальними гастролями представления своей труппы. «Такого вы ещё не видели!» — шокировали ротозеев фотографические снимки редкой фабрикации, на которых Ирэн Улыбова держала свою милую головку в страшной тигриной пасти. Перед билетными кассами выстраивались очереди. Сборы обещали быть сверх ожидаемого.

И ох как горестно некстати появился в кабинете Алымова за неделю до начала премьеры чиновник из полиции. Он сообщил Цезарю, прося при этом не волноваться, что за городом обнаружены останки человека, погибшего приблизительно в тот период, какой в своём прошении о розыске пропавшего господина Рябцева С.Н. указал управляющий цирком. «Потому, согласно установленным правилам, Цезарю Юльевичу предлагается посетить морг для процедуры опознания тела».

Алымов поехал. Долго вглядывался в лицо лежащего на столе покойника и не хотел верить в то, что был это Сергей. «Как же ты, всегда рассудительный и осторожный, — думал тоскливо, — не сумел разглядеть опасности? Как мне оправдаться теперь перед твоей Зиной и своей совестью?»

В полицию за разъяснениями он не пошёл. Вспомнил слова Калетина о том, что лямку службы тянут там господа, за редчайшим исключением, недалёкие и своекорыстные. Рассчитывать на их радение в поиске убийц — глупо. Значит, надо собраться. Окаменеть на время. Заняться последними приготовлениями к премьере. Горожане ждут праздника. И они не должны его лишиться.

Первое представление нового аттракциона было назначено в субботу на три часа пополудни. Но уже с утра подъезды к шатру цирка по приказу полицмейстера контролировались пешими и конными патрулями. И хотя присутствие на представлении губернской «верхушки» не предполагалось, чины полиции получили на всякий случай инструкции «употребить известную строгость к нарушителям установленных правил езды, денежно наказывать извозчиков за ругание непристойное, а в местах высадки почётных горожан не допускать скопления экипажей и прочего люда».

Охранным же командам и казакам вменялось поступать решительно, если революционный элемент, не дай бог, решит воспользоваться моментом и учинит какой-либо эксцесс.

Тем не менее, всё прошло благопристойно. Тот факт, что многих зрителей, купивших билеты на дневное представление, просто удалили из цирка — не в счёт. А что было делать, если в половине третьего к цирку неожиданно прибыл сам губернатор и два дюжих гайдука сопроводили действительного тайного советника в ложу, спешно освобождённую от персон рангом пониже. Ну, а следом за ним — к ужасу устроителей — потянулись ревизоры с судьями, «их сиятельства и превосходительства», прочая требуха чиновничья с детьми и жёнами. Все требовали билетов и непременно в первые ряды поближе к манежу. Грозили, умоляли, совали деньги. Алымов, удручённый таким поворотом событий, указал брандмейстеру Закладьеву — невзирая на лица, оттеснить со своей командой крикунов за пределы цирковой площади.

— Иначе я вынужден буду приказать отменить выступления. А это, как вы понимаете, ничем хорошим для вас не закончится, — ледяным тоном охладил он бросившегося к нему за объяснениями разъярённого участкового пристава.

Толпу утихомирили. У входа в цирк приставили городовых. И ровно в три часа заиграла музыка. Лица зрителей расцвелись улыбками. Шпрыхталмейстер объявил о начале праздника.

А Мазепа в это время присутствовал на другом представлении. Его в лавке Босогова устроил для него (единственного зрителя) тайный агент Гусынин — «Самсон». Запиской — загодя тот испросил у ротмистра разрешение на встречу, заявив намерение сообщить нечто важное. Воспользовавшись отсутствием винного купца, который бисировал сейчас в цирке кудесникам джигитовки и бросал под ноги воздушным гимнасткам дорогие в эту пору центифоли, приказчик нахально провёл Мазепу в роскошный кабинет хозяина, усадил за стол, предложил гостю чужие вино и фрукты. Но сам долго не мог собраться, стоял, переминался с ноги на ногу, что-то бормотал, всхлипывал и трясущимися руками тербил носовой платок. Иринарх Гаврилович с интересом разглядывал убранство комнаты и терпеливо ждал.

Начало было обескураживающим.

— Я, — решил агент и присел на краешек стула, — словом, если это вас заинтересует, в общем, я стал недавно объектом нападения неизвестных лиц. Они схватили меня, когда я возвращался домой, поместили в каком-то полуэтаже, били и просили моих рассказов о службе в полиции. Я, — плаксиво оправдывался Гусынин, — человек слабого здоровья, боли страшуся. Я им всё рассказал.

— Так! — остолбенев, Мазепа прикурил папиросу не с того конца. — И что именно вы им рассказали?

— Господин ротмистр, Иринарх Гаврилович, они сразу сказали, что им известны мои связи с вами. Я им, вот крест святой, ни слова о том. А они меня головой о стену и грозили, что бить будут, пока не скажу, за кем Мазепа следить заставляет.

Иринарх Гаврилович, глядя на жалкое существо, сидящее перед ним, почувствовал, как от гнева у него стала подёргиваться щека, но справился с собой и попросил приказчика налить ему бокал вина. Выпил, пососал дольку лимона.

— Если я правильно понял, наши тайные встречи с вами для кого-то — совсем не секрет? И как вашим обидчикам это стало известно? У вас есть какие-нибудь предположения? Плохо, очень плохо, что нет. Что они требовали ещё? Поконкретнее.

— Я не помню. Я потерял сознание, и они бросили меня.

Мазепа выпил ещё:

— А раньше никого из них не встречали?

Гусынин подумал:

— А вот Алымов.

— Алымов? — приподнял брови ротмистр. — Он что, лично истязал вас?

— Нет, не истязал. Но он точно знал о моей работе в полиции.

— Значит, вы считаете, что именно Алымов причастен к нападению на вас?

— А как же! — с какой-то злой убеждённой затараторил приказчик. — Он же видел, что я видел, как он ходит в дом, где живёт этот, за которым ещё в прошлом

годе вы просили приглядеть, ну Коряков, социалист, — и, подумав немного, неожиданно выпалил: — А ещё Алымов с госпожой Жирмунской амуры крутит. А она раньше с Коряковым путалась. Значит, они все заодно! Зачем Алымов ей вино покупает и до утра у ней сидит? Я всё проследил, ваше высокоблагородие. И ещё он цыдулку в «Ямскую» из нашей лавки посылал. А в записке той что-то про оружие говорилось. Тимофей Егорыч, посыльный наш, мне потом рассказывал. Вы, Иринарх Гаврилович, зря его не арестуете!

Жандарм, как-то внутренне обмякнув, брезгливо посмотрел на «Самсона»: «Ничтожество, но как гребёт!» И сухо спросил:

— Это всё? Или есть ещё что-то? Если нет, то вот что, милейший: о записке, в которой об оружии говорилось, письменно мне подробно изложите. А нападение на вас, хм, неожиданно, очень неожиданно для меня. И потребует философических напряжений.

Мазепа встал и пошёл к выходу.

— Господин ротмистр, я верой и правдой! Только защитите от разбойников. Они же не оставят меня в покое! — бросился за ним Гусынин.

— Кому вы нужны, — зло успокоил его ротмистр. — Докладную, не откладывая, завтра же пошлите с вашим мальчишкой. Знаете куда. Самому же вам запрещаю искать со мною встреч. Ка-те-го-ри-чес-ки! И рекомендую показаться доктору. Мне кажется, что налётчики нанесли вам травмы, кои заключат его во мнении о вашей, э-э, — Мазепа многозначительно постучал пальцем по голове агента.

Но Гусынин не обиделся. Более того, надеясь, что ротмистр непременно оценит его старания, рискнул прислать многостраничный отчёт о проведённом им в течение последних месяцев самостоятельном политическом расследовании. Когда Иринарх Гаврилович с вниманием прочёл то, что ему принесли, у него невольно вырвалось лишь одно слово — «Мерзавец!» На десяти листах отвратительной обёрточной бумаги, исписанной добротным писарским почерком, уместилась, наверное, вся личная жизнь бедной Веры Феоктистовны Жирмунской. Или, во всяком случае, та её часть, когда молодая вдова перебралась на жительство в дом почётного гражданина Корякова и по чьей-то протекции взялась за организацию лечения «падших во пьянство обывателей». Мазепа с интересом узнал о том, что Алымов, оказывается, был лишь одним из многих, с кем титулярная общественница проводила время наедине. Гусынин приводил описание ухажёров, отрывки из подслушанных им разговоров, когда он тайно «вёл» парочку по улицам, указывал место и даты встреч. Считая, видимо, излишним излагать (и так, мол, всё ясно) какие-либо уличающие факты, он ничтоже сумняшеся делал в конце убийственный вывод: все, кто встречался с Жирмунской, в том числе и Алымов, — враги правительства. И он, Гусынин, скорее всего, раскрыл организацию опасных заговорщиков. О записке Алымова, единственно интересовавшей Мазепу, он в разоблачительном пылу, похоже, забыл. Или сделал это намеренно? Впрочем, можно ли было верить в существование её вообще, ознакомившись с этим, ну, ей-богу, бредом сумасшедшего.

Однако ротмистр аккуратно пронумеровал листочки, сложил их в отдельную папку, написал её и убрал подальше в стол. «Ах, неверная, где же вы, где же вы? И какой карнавал вас кружит?» — думал при этом о Верочке, и неприятное чувство, будто получил оплеуху, не покидало его ещё несколько дней. Но жизнь, и очень часто, заставляет людей участвовать в играх, в которых ставки бывают крупнее моральных и прочих условностей. События, случившиеся вскоре, заставили Мазепу папочку эту злополучную вытащить на свет божий. Лучше бы её не было.

* * *

Не идолу Мамоне служил и не дьяволу искусителю Семён Филатович Богоявленский, а исключительно Отечеству и совести своей. Ну какой, скажи? те, карьер сделал он к своим пятидесяти, став смотрителем заштатной пересыльной тюрьмы? А богатство какое скопил — позавидуешь: имел кучу врагов, псарню о трёх борзых в одном из разбойных предместий, двух девиц от рано умершей жены да постоянно напоминающие ему, что он ещё жив, — пяточные шпоры. Недругов своих он знал, но не опасался. Собак передоверил денщику — самому заниматься ими недосуг всё

как-то. А недуг пытался лечить у хамоватого мозольного оператора, который, соответственно вознаграждениям, неизменно ставил ему одну и ту же «прогрессивную процедуру»: липкое варево из корня болотного остроконечника прикладывал к болезненным наростам. А чтоб утишить телесные и душевные муки пациента, тут же предлагал ему выпить какую-то отраву, пахнущую так, что, ещё не попробовав её, хотелось освободить содержимое желудка. Полковник страдал и ненавидел чужую молодость.

Тут надо заметить, что, хоть и видом он стал к старости — не приведи господь, слыл, однако, бабником и педантом. Каждый день, исключая воскресные церковные торжества, он без четверти девять подходил к праздничным фасадам торговых рядов, где в одном из полуподвалов его уже много лет пользовал старик парикмахер Нефёд. У входа на грязновато-зелёном поле вывески теснятся буквы:

**ВОЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ЦИРЮЛЬНЯ
чешут, стригут, бреют, рвут зубы,
кидают кровь.**

Семён Филатович всякий раз косится на это «кидают кровь» и уточкой вступает в пахнущий мылом и цветочной водой салон.

Вот и сегодня Нефёд предупредительно — под локоток — провёл клиента к вешалке, принял шинель, удобнее поставил стул перед зеркалом. Подправляя на ремне бритву, учтиво справился о здоровье.

— Ты, Нефёдушка, нынче почище сработай, на аудиенцию иду к губернатору, — строго поглядел Богоявленский. — А здоровье моё, что ж, оно у меня отменное. Коли не помер с утра, быть такому до вечера. О чём в городе болтают, друг любезный? Всё власти поди ругают, а?

Нефёд взбил пену в фарфоровой чашечке:

— Да много чего разного несут, Семён Филатыч. Вот овёс вздорожал, будь он неладен. А мука куличная у лабазников уже по цене конфетной идёт. И порядка больше не становится, балуют на улицах.

— Тебе-то чего овёс этот сдался, не извозом же жизнь свою проматываешь? Лабазников приструним, и порядок наведём, ты в том сомнение не держи. Всех, кто бузит и горлопанит, всех перевешаем. Надо же, чего стервецы удумали — свободу им да равенство подавай! А заслужили они её, эту свободу, Нефёд Панкратыч? Тот.

Они говорят ещё о чём-то. Старик заканчивает бритьё, промокает полковничьи щёки душистой салфеткой.

— Эх, — сокрушается, беря с блюдечка оставленный клиентом гривенник, — разве скопишь с такими на похороны?

И отвешивает вслед посетителю шутовской поклон: «Многие лета тебе, барин».

А Богоявленский уже несёт себя по утреннему холодку. Улица у Присутственных мест пустынна и до безразличия знакома. И всё-то здесь ему не нравится. «Ну что за столпотворение вавилонское? — скользит взглядом по крутобоким тушам домов. — Где перспективы — прямые, воздушные? Чтоб с оркестром по ним, да в шесть рядов эскадрон казачий! Тьфу!» — злится неизвестно на кого и уже не замечает ничего вокруг.

«Господин полковник, господин полковник», — вдруг доносится до него. Семён Филатович вздрагивает и оглядывается. Но вокруг — никого. «Мать пречистая, — пугается он, — до голосов небесных дожил. Это знак мне старому, что от трудов отходить пора». Однако не показалось ему. В соседней дорожке над заботливо подстриженными кустами барбариса плывёт-качается кокетливая дамская шляпка. И через мгновение, некрасиво подволакивая ногу, к нему устремляется по виду курсистка. В руке у ней что-то похожее на свиток.

— Вот, велено передать вам, — протягивает она бумагу Богоявленскому.

Семён Филатыч, не сбавляя шаг, рычит:

— Я запрещаю вам отнимать у меня время. Прощение снесите в канцелярию, там разберутся.

Но барышня бледна и настойчива:

— Вам это нужно прочитать. Здесь. Непременно. Сейчас.

Богоявленский останавливается. Недоверчиво берёт бумагу, разворачивает. Что это? «...боевая организация социалистов-революционеров... сатрап... приговаривает...»

Соображал полковник по-военному быстро: «Сегодня у него важный день. Губернатор официально должен сообщить ему о новой должности с повышением, которой он долго дождался. Сегодня же к Кате, старшей дочери, придет свататься надворный советник Чехонин — событие для семьи важнейшее. А вечером... вечером его обещала навестить баронесса Оберташ. И тут вдруг какие-то социалисты. По какому такому праву они хотят лишить его будущего?»

Он бросил бумагу и...побежал. Рывками. Бросая тело из стороны в сторону, как если бы сдавал экзерциции по тактике тоненьким юнкером в далёком уже теперь военном училище. И ведь ушёл бы, потому как барышня даже не стала доставать своё оружие из сумочки, поняв, что в такую пляшущую мишень ей попросту не попасть.

Но выстрелы всё же затягвали. И совсем не оттуда, откуда их ожидал Богоявленский. Какой-то господин в форменном сюртуке Горного ведомства, стоявший дотоле безучастно неподалёку у афишной тумбы, бросился ему наперерез и ловкой подножкой опрокинул на спину. Пули вырвали из шинели полковника кровавый подбой. И шляпка, невесомо-эфирная шляпка, снова поплыла над барбарисами. Мираж, да и только.

* * *

Богоявленского, наверное, могли бы спасти. Ранения, как потом вскрылось, смертельными, в общем-то, не были. Что помешало? А не это ли гаденькое — «как бы чего не вышло» да милый расейский бардак, к чему в народе нашем относятся плохо, но считают чем-то неизбежным и неискоренимым? Не станем гадать. Заглянем лучше в тихий весенний тобольский скверик сразу после прогремевших там выстрелов.

Вот стоит в сторонке обыватель и любопытствует, разинув рот, как набежавшие к месту трагедии взрослые здоровые дядьки, стражники, ахают, охают, топчутся растерянно, кроют кого-то по матушке, но к раненому чтоб прикоснуться — ни-ни. Начальство ждёт. Полковник корчится от боли на холодной мостовой, молит о помощи. Время идёт. Наконец, радость на лицах подчинённых — появляется полицмейстер. Даёт указание: послать за доктором. А тот — надо же! — в это самое время принимает тяжёлые роды у собственной жены и просит не беспокоить его часок-другой, мол, «вот закончу и приеду. И ничего с вашим тюремщиком не случится». Полицмейстер с досады повелевает тогда самого раненого везти в больницу. Ищут и подгоняют телегу, грузят на неё тело без должного бережения, отправляют по тряской дороге. Словом, истёк кровью Семён Филатыч. И пули для экспертизы доктор-вивисектор извлекал из него уже бездыханного.

Когда губернатору Гондатти доложили о покушении на зрителя тюрем, он вызвал на ковёр начальника жандармского управления Устинова. Налимьи глаза «его превосходительства» поплыли по лицу полковника.

— Не стойте истуканом и говорите мне прямо: что происходит в городе? Террористы устраивают под моими окнами совершенно дикий самосуд. Средневековье какое-то, бесовский шабаш. Вы что мне обещали после ужасного убийства купца Маругина? Категорическое недопущение подобного! Если вы думаете, что я, как мой предшественник Лаппа-Старженецкий, буду покрывать ваши всякие фишки-филимишки, то ошибаетесь. И сегодня же доложу в Петербург о наглой вылазке уже трижды, трижды — повторяю! — уничтоженной вами шайки бандитов!

Устинов вежливо процедил, что охрана Богоявленского не входит в сферу служебных обязанностей его ведомства, но они принимают все меры к открытию виновных в преступлении. Полиция поднята на ноги. Все табельные дороги уже перекрыты казачьими разъездами, проверяются подозрительные лица и предполагаемые места сходок партийных активистов и ссыльных как в самом городе, так и в

уездах.

— Но обстановка неожиданно осложнилась, — поглядел в окно Устинов. — На улицы вышли группы подстрекателей, которые открыто призывают обывателей чинить препятствия дознанию, выражают радость по поводу убийства и грозятся начать погромы. Нужно срочно принимать меры.

— Так принимайте! — побежал по кабинету Гондатти. — Почему я должен указывать вам на то, что вы сами обязаны делать согласно своим внутренним циркулярам. Немедленно разогнать толпу и зачинщиков арестовать! А если хотите спросить меня, поменять ли в сторону бунтовщиков оружие, то и насчёт этого у вас есть указания своего департамента. Извольте их выполнять. Вечером жду вас с докладом, а сейчас мне пора на завтрак, посему я вас больше не задерживаю.

Оскорблённый грубой неучтивостью чинуши, Устинов отпустил по его адресу (про себя, конечно) несколько «элегантных» словечек. Но, приехав в управление, срочно созвал совещание. Тяжело переводя взгляд с одного подчинённого на другого, догадался: ничего утешительного они ему не сообщат. Убийца — или сколько их там было? — благополучно скрылся. Боявленский скончался, а свидетелей преступления полиция до сих пор не обнаружила. Найденные гильзы и листок с эсеровским приговором — единственное, чем пока располагает следствие. Означает это одно — дело затянется. На сколько?

— Ротмистр, — угрожающе тихо обратился полковник к сидящему с опущенной головой Мазепе, — ваши заверения насчёт ликвидации группы боевиков, как явило случившееся, преждевременны. Более того: семья это оказалось не только живучим, но и ядовитым. Почему так случилось, будем разбираться позже, а сегодня вам надлежит употребить все силы и средства для того, чтобы в кратчайшие сроки вопрос закрыть бесповоротно, иначе мы рискуем дать возможность господам либералам спустить на нас всех собак в округе. Что там у вас? — раздражённо поглядел на вошедшего начальника канцелярии и, прочитав принесённую тем бумагу, уже мягче снова обратился к Мазепе: — Кажется, работа ваша облегчится, Иринарх Гаврилович, нашлась очевидица убийства. Дедюхин скоро доставит её сюда. Считаю излишним напоминать вам, что показания свидетеля, за неимением или слабостью других улик, могут быть определяющими при вынесении решения в суде, поэтому подойдите к делу ответственно.

Устинов нервно встал и попросил всех, кроме Мазепы, покинуть кабинет. Когда подчинённые вышли, подошёл к ротмистру и покрутил на его мундире пуговицу.

— Иринарх Гаврилович, голубчик, прошу вас: в случае возникновения малейших затруднений с установкой и поимкой преступников, без чистоплюйства прибегнуть к материалам своей картотеки. Я не сомневаюсь, что в ней наверняка сыщутся те, по ком уже давно плачет виселица. Убийцы во что бы то ни стало должны быть явлены обществу, изобличены и повешены. И не важно, являются ли они таковыми на самом деле. Поймите, город взбудоражен, утренние газеты вышли с чудовищными нападками на нас. Хотя то, что мусолят писаки, — полбеды. Нам надо к вечеру хоть чем-то успокоить губернатора, иначе он завалит Петербург доносами. А мне, простите за откровенность, пенсионера из-за этого индюка лишаться не хочется. Подключайте к розыску Дедюхина и всех, кого считаете нужным.

Мазепа согласно кивнул. Как начальник охранного отделения он тоже был крайне заинтересован в скорейшей поимке убийц. В конце концов, дело громкое, на нём можно неплохо заработать. «Однако, — размышлял он, идя в свой кабинет, — Устинов, хоть и сволочь, но прав: раз убийц не схватили сразу, значит, разыскать их будет трудно, если вообще возможно. Особых надежд на свидетельские показания возлагать нельзя, ибо в метком определении — «никто так не врёт, как очевидец», — он многожды раз убеждался лично. И уповать на случайность, которая иногда помогает выйти на след преступника, — тоже смешно. Тем не менее, начать с чего-то надо, и в первую голову — соблюдая порядок, — решил ротмистр. — А там видно будет».

Войдя в свою приёмную, он нервно вздрогнул: непринуждённо беседуя с Дедюхиным, в кресле для посетителей восседала собственной персоной не кто иная, как госпожа Жирмунская! В платье с оборками, губы — фарафорочкой. «Что она здесь

делает?» — растерянно посмотрел на заведующего «наружкой» и, ещё не веря в такие выверты фортуны, сухо кивнув обоим, прошёл в кабинет. Тут же вызвал Дедюхина.

— Эта дама и есть свидетель преступления, Тихон Макарыч? Вы ничего не перепутали?

— Как можно-с, Иринарх Гаврилович. Жирмунская она, Вера Феокистовна. Утверждает, что видела всё собственными глазами и готова ничего от нас не утаить. Прикажете пригласить её для беседы?

— Нет, не прикажу. Мне что-то не по себе. Расспросить её я доверю вам. Если же дамочка вдруг станет настаивать на встрече со мной, наврите ей про мой срочный вызов к начальству или что-нибудь в этом роде. И знаете что, Тихон Макарыч, — немного подумав, сощурился ротмистр, — раз уж представилась такая возможность, где-нибудь в конце беседы прикиньтесь отчаянным любителем шапито и восторженно заговорите с Жирмунской о цирке, выспросите её: знакома ли она с Алымовым или другими его актёрками? Что вообще слышала или знает о внутренней жизни труппы? Записывать это не надо. Просто внимательно понаблюдайте, как она будет реагировать на вопросы, что отвечать. Мне нужно проверить кое-какие сведения. Ведите мадам к себе и принесите ей извинения за мою непомерную занятость. Служба, мол, такая. Да, чуть не забыл. Надо бы, Тихон Макарыч, к свидетельнице человека приставить для охраны, а ей самой строго внушить вести себя осмотрительно и держать язык за зубами.

Через пару часов Дедюхин принёс протокол допроса Жирмунской. «Я шла по улице, в бока впился корсет», — недоумённо начал читать Мазепа и, кивнув на листочки, весело осведомился у Дедюхина:

— Интересное начало. И много здесь таких пикантностей?

— Так я же слово в слово записывал, господин ротмистр. Ничего от себя. Как она, значит, говорила, так и писал. Можно сказать, что неудобство сей интимной детали и привело мадам к месту убийства. Там подробно всё изложено.

— Успокойтесь, ради бога. Вера Феокистовна известна в городе своими замашками базарной торговки. Любит нравственниц наших и скромников подобным фраппировать, — но по мере дальнейшего чтения лицо ротмистра всё больше мрачнело. Перевернув последнюю страницу, он тяжело посмотрел на Тихона Макаровича: — Что ж, корсет мадам Жирмунской плохо зашнурованным оказался весьма кстати. Благодаря ему мы теперь, по крайней мере, точно знаем, что убийц было двое — хромая молодая особа и выше среднего роста, чернявый горный инженер. Давайте подытожим. Очевидица показывает, что направлялась в этот утренний час к своей модистке, живущей неподалёку от торговых рядов, для срочной починки своего туалета. И случайно увидела спешащего куда-то зрителя тюрем. Жирмунская уверяет, что была, хоть и шапочно, лично знакома с полковником и хотела было поздороваться с ним. Но к тому неожиданно приблизилась молодая дама, после чего полковник вдруг бросился бежать. Вера Феокистовна точно видела, что стрелял в Богоявленского выскочивший откуда-то горный инженер, так как хорошо разглядела форму, бывшую на нём. Дальнейшее помнит плохо из-за помутившегося сознания. Когда пришла в себя, вокруг уже никого не было. Всё это похоже на правду. Поэтому, Тихон Макарыч, немедленно готовь словесные портреты, вооружай ими всех околоточных и городских. А твои орлы пусть на время оставят другие дела и сосредоточатся исключительно на розыске этой парочки. Лично инструктируй, награду денежную обещай. Размер премии с Устиновым согласуем. Я же свяжусь с приставами, чтоб те дворников и общественность привлекли.

Мазепа достал папиросы и предложил Дедюхину:

— А ты чего, Тихон Макарыч, ссутулился? Не веришь Жирмунской? Или добавить что-то хочешь?

Дедюхин помялся:

— Да барышня эта хромая в сумнении меня держит, Иринарх Гаврилович. По описанию Жирмунской уж очень она похожа на ту, что попадалась нам месяца полтора тому. Докладывать вам тогда не стали. Дело-то неявным было.

— Что за дело? Изложите подробней.

— В марте, в середине, кажется, квартальный Чернолобов сборище боевиков, как думаем, спугнул. За племянником Корякова филёр мой тогда ходил с заданием проверить, с кем тот встречается. Ну и привёл его как-то парень к одному из домов на Леонтьевском ручье. Племянник — в дверь, а топтун — под окно. И подслушал, как люди, бывшие в доме, обсуждают план чьего-то убийства. Побежал мой дурак по неопытности не мне, а квартальному докладывать. А Чернолобов — что ему в голову ударило? — с командой туда нагрянул. Но в доме ничего не нашёл и схватить никого не смог. Двое — хозяин дома Акулов и парень живописец — по прокопу в лес убежали, а барышню, что вроде тоже с ними была, один из команды — урядник фамилией Громыхайло, — жалеючи, отпустил. Калекой оказалась. Так я и думаю: не та ли самая и есть?

— Удивительные у нас дела творятся, — недовольно протянул Мазепа и внутренне напрягся. — Громыхайло, говоришь, по фамилии? Лично отпустил? Прекрасно. А признать сегодня он её сможет?

— Мы тогда его допрашивали, но, — Дедюхин развёл руками, — темно, говорит, было, хорошо девушку не разглядел.

— Ладно, Тихон Макарович, иди работай. Я с этим сам разберусь.

Проводив Дедюхина, приказал секретарю никого в кабинет не впускать. Бормоча: «А ведь она это сделала, тихоня, ох, чую, она», — достал из несгораемого шкафа папки с делами своих секретных агентов и «штучников». Лихорадочно перебрал их. Но нужной не нашёл. «Я что же, — обругал себя мысленно, — не завёл на «Трапедию» дело? Как такое могло случиться? Забыл? Откладывал? — он тяжело опустился в кресло и сам себе ответил: — Да нет. Всё я помнил, ничего не откладывал. Просто серьёзно не относился к этой покалеченной циркачке, да и решил из любви к искусству не заставлять её приносить какие-то клятвы верности и унижать расписками в получении денег от охранного отделения. И уж тем более не оскорблять обязательной процедурой съёмки анфас и в профиль, замера роста и прочих формальностей. Я даже адреса её не записал. И вот оказалось: зря либеральничал. А ведь имейся сегодня фотографический снимок Татьяны Андреевны, мы бы уже наверное знали: она вручила эсеровский приговор Богоявленскому перед смертью или кто другой. Но верно и третьё. Если «Трапедия» на самом деле является соучастницей убийства и мы схватим её, не исключено, что в суде она может предать огласке свои связи со мной и, следовательно, охранным отделением. Представить, что тогда начнётся — не трудно. Значит, думай Мазепа, думай».

Скоро его попросили срочно явиться к Устинову. Выслушав доклад о ходе розыска и похвалив ротмистра за первые результаты, полковник, как-то зло ухмыльнувшись, предложил ему почитать только что доставленное донесение одного из агентов. Из него явствовало: сегодня полиция, не слишком афишируя, приступила к проверке заявления мадам Дюшон об обнаружении в одном из номеров её заведения боевого пистолета. Нашла оружие горничная. Случайно. Но это ещё не всё. Осведомитель сообщал и о последовавшей затем странной находке на лестничной площадке чёрного хода. Полиция наткнулась там на дорогое пальто, оставленное неизвестно кем и в каких целях.

— Вы поезжайте туда лично, Иринарх Гаврилович, и разберитесь. Следователей судебной палаты я предупрежу. Может оказаться, что в этом тихом уютном гнездышке, которое опекает Тройницкий, не только голубки воркуют, но и падальщики яйца несут. Оружие безотлагательно отдать на экспертизу. И к шести вечера я хотел бы получить пусть пока и предварительную, но главное — вашу оценку инцидента. И закрывайте, к чёрту, эту богадельню! Благо момент представился.

В назначенное время Мазепа дал разъяснения Устинову о находках в «жёлтом доме»:

— А ведь пистолет, Павел Александрович, что найден у Дюшон, той же системы и калибра, из какого стреляли в Богоявленского. А именно — дамский браунинг образца 1906 года. Оружие для наших мест пока редкое. И, заметьте, дорогое. Это первое. Далее — ещё интереснее. Оставленное на лестнице пальто. Дворник показал, что точно в таком же к нему недавно с просьбой открыть двери с чёрного хода обратился господин, назвавшийся доверенным лицом вице-губернатора. Вёл он себя

странно, выспрашивал о посетителях заведения, выпить и повеселиться ему предлагал. Но потом испугался чего-то и бегом удалился. Я думаю, господин полковник, что было бы уместно задать по этому поводу несколько вопросов самому коллежскому советнику.

— Иринарх Гаврилович, голубчик, ваша озабоченность мне понятна и предложение ваше не лишено смысла. Тем более что всё произошедшее в интимном заведении к нашей выгоде. Но я считаю преждевременным беспокоить Тройницкого: сильные позиции вице-губернатора мы таким образом пошатнуть не сможем. Поэтому материалы следствия, бросающие тень на этого надушенного сутенёра, стоит представить лично Его превосходительству. Что я сегодня же и сделаю. Кабинетные шаркуны в своё время наверняка доложили ему, как «любили» друг друга Богоявленский и Тройницкий. Вражда их была очевидной, и кто знает, насколько далеко она зашла? Пусть губернатор подумает и в своём окружении разберётся сначала, а уж потом Петербургом меня пугает. Вижу, что у вас ещё не всё.

— Да, господин полковник, я хочу испросить у вас дозволения взять в разработку бывшего штабс-капитана Алымова.

— Кто таков? — удивился Устинов, но потом протестующе воскликнул: — Пойдите, пойдите, Алымов — это же владелец шапито! Вы что, ротмистр, в своём уме? Какие основания? Я не разрешаю!

— Основания есть, Павел Александрович. Агентурные сведения прямо указывают: управляющий цирком — лицо неблагонадёжное.

— Что ваши сыщики имеют против него? Конкретнее.

— Доказать его прямое участие в противоправительственных организациях, к сожалению, не удаётся, но многие факты заставляют нас допустить, что такое возможно.

— Что значит «допустить», что значит «возможно»? — раздражённо перебил Устинов. — Вам не кажется, ротмистр, что вы ищёте врагов престола не там, где их следовало бы искать. Алымов, насколько мне известно, боевой офицер, орденами высочайше пожалован. А может, у вас личная неприязнь к нему? — спросил неожиданно и подошёл к столику, на котором стояли бутылки с «сельтерской водой». Налил два стакана, один подал Мазепе:

— Остудитесь. Даже если здесь замешана женщина, сводить счёты я вам сегодня не позволю. Займитесь лучше этой шляхой Дюшон. Как к ней попало оружие, из которого стреляли в Богоявленского? Кто его ей подбросил или хранил у неё? Вот на чем извольте сосредоточиться. А серьёзно полагать, что Алымов откроет вам эту тайну, я считаю шагом в тупик.

— И, тем не менее, господин полковник, я настаиваю если не на официальном допросе, то хотя бы на приватной беседе с ним. У нас есть многие основания считать, что Алымов может содействовать укрытию преступников, — Мазепа положил на зелёное сукно перед начальником несколько листков бумаги. — Прошу вас ознакомиться с этими документами.

Устинов прочёл и неопределённо хмыкнул:

— Оглушающая новость — нынешняя подозреваемая когда-то в цирке лошадям хвосты крутила! Ну и что? А у нас в полиции едино лишь херувимы да агнцы божии служили? Вспоминать стыдно, сколько разного охвостья перебивало. Их прикажете тоже в разряд смутьянов и бунтовщиков определять? Встретиться с Алымовым я вам разрешаю. Но прошу не забывать: он — дворянин, присягал государю и честь его не должна пострадать.

* * *

Летний дремотный вечер. Безглагольность покоя. За сквозными проёмами засиженных птицами колоколен у самого горизонта распластались рдяные крылья заката. В белесоватом небе бесшумно скользят ласточки. И только соловьиная «лешева дудка», то затихающая, то вновь наплывающая от близкой окраины Завального кладбища, пугает неизъяснимой надмирностью и какой-то щемящей всепроникающей печалью.

Фарфоровые цветы. Ползущие змеи траурных лент. Над чугунной тяжестью ог-

рад и холодной торжественностью надгробий бесстрастно парят, постукивая жестяными перьями, рукотворные небожители — ангелы и крылатые девы.

На свежеструганной скамеечке рядом с недавно выросшим могильным холмиком сидит неподвижно — сколько уже часов? — Григорий Платонович Калетин, холёное лицо которого своей прозрачной бледностью схоже с алебастром посмертной маски. У него болит голова. Но он безотрывно смотрит на овальный портрет молодого офицера, вделанный в позолоченную накладку гранитного креста, и его руки заметно подрагивают на резном набалдашнике костяной массивной трости. Близится ночь. Пора идти. Калетин достаёт из кармана коробку серных спичек и зажигает свечу, оставленную кем-то на медной площадке в изголовье могилы. Стеарин плавится и жёлтыми слезами скатывается на дно избуро-красной посудинки. «Прости меня, Цезарь», — горько шепчет Григорий Платонович и просит кого-то невидимого:

— Миша, помоги подняться.

«Рыжий» отвозит хозяина домой. Людмила заботливо укладывает дядю на диван, укрывает пледом, поит успокоительным отваром из трав и сама располагается — на дежурство — тут же за столиком в углу кабинета. Но Калетина сон не берёт. Он лежит с открытыми глазами и силится восстановить частности и подробности последних дней.

О гибели Алымова он узнал из вольной газеты «Сибирский листок». Скандальный хроникёр Колыхалов, известный своими громкими разоблачениями, сообщал, что накануне в своей квартире полицией застрелен герой японской войны и содержатель конного и прочих аттракционов господин Алымов Ц.А. Мотивы и обстоятельства трагедии газетчик обещал читателям представить наутро.

Признаться, Калетин не поверил в эту чудовищную новость и тут же послал Северьяна разузнать всё обстоятельнее. Но тот, вернувшись, подтвердил достоверность публикации. Тогда Григорий Платонович в тихой ярости приказал «Боярину» собрать всех, кто окажется поблизости, вооружиться и немедленно выехать к дому друга. Он решительно был готов перестрелять пусть даже не тех, кто учинил эту кровавую расправу. Однако с полдороги дружина завернула обратно. Людмила вдруг встала перед глазами Калетина, и дом, который непременно растащат, погибни он в перестрелке с полицией. И Палестин. Алымову уже ничем не поможешь, а вот мальчика, прячущегося сейчас у него, от петли уберечь надо. «Убийц Цезаря мы всё единым сыщем. И покараем», — решил он, остыв, и дал отбой нападению.

Колыхалов слово своё не сдержал. Вернее, ему не позволили писать что-либо о случившемся в квартире управляющего цирком. Более того, наряду с молчанием властей, по городу (надо думать, с умыслом) стали во множестве распространяться слухи — один нелепее другого. Пересказывать их противно. Ибо вертелись они всё больше вокруг невесты откуда взявшихся баснословных богатств Алымова, на которые решили покуситься заезжие гастролёры, но мужественный офицер дал геройский отпор налётчикам. И погиб... на сундуке с золотом...

Что же на самом деле произошло, из нескольких десятков тысяч горожан знали, пожалуй, лишь двое. И одним из них был ротмистр Мазепа — жандарм и знаток политического сыска, человек основательный и семейный.

Через несколько дней после памятного разговора с полковником Устиновым он, получив заключение экспертизы о том, что оружие «от мадам Дюшон» к делу о покушении на тюремного начальника не «пришьётся», безрадостно заключил: «Полное фиаско. Разыграть карту Тройницкого, пусть даже слабую, — не вышло. И «Трапедия» со своим дружкой забились, как тузы в новой колоде: когда в руки попадут — неизвестно. Значит, надо серьёзно взяться за Алымова. Чую: знает этот сибарит многое. Да и надоел он мне, если честно, путается под ногами. Деятель чёртов!»

План действий у Мазепы созрел быстро. Не откладывая, он связался с приставом Чернолобовым и попросил его прислать к нему бывшего городского, да-да, того самого — Громыхайло.

— Ты, урядник, гляжу, обносился и отощал на штрафных-то хлебах, — неласково встретил он плохо выглядевшего полицейского. — А ведь участь тебе уготована ещё слаще.

Громыхайло поднял на ротмистра глаза страдальца.

— Всплыла тут история занятная, в которой ты, уж не знаю из каких соображений, снова повёл себя преступно, — продолжил Мазепа. — Девицу, что отпустил в Леонтьевском ручье, помнишь?

Ларион Ульяныч тяжело дыша, молчал.

— Значит, не забыл. А что потом содеяла та девица, тебе рассказать?

— Ваше высокоблагородие, — всхлипнул урядник, — искуплю. Вы только прикажите!

— Для того и призвал, чтоб искупил, — ротмистр взял с подноса заранее приготовленную рюмку с водкой, поднёс Громыхайло. — На-ка выпей и успокойся. Если сделаешь всё так, как я сейчас укажу, прощу тебе и похищенные деньги, и про убийцу, тобой отпущенную, тоже забуду.

— Мне бы в городские оборотиться, ваше высокоблагородие, погибая, — выпив, опять всхлипнул Ларион Ульяныч.

— Унтером через полгода сделаю. Слово офицера. А пока надбавку к жалованью выхлопочу. Человеком себя почувствуешь.

Громыхайло недоверчиво переспросил:

— Как унтером? За что?

— Слушай внимательно, дурак, и не сомневайся в моём расположении. Завтра пойдём с тобой к одному очень опасному господину. Я буду с ним разговаривать, а ты при мне охраной состоять. Да не просто состоять, а быть готовым при малейшем его подозрительном движении стрелять в него. Оружие при нём может оказаться. Вот полезет он якобы за часами, к примеру, а сам пистолет выхватит. Для того и идёшь со мной, чтобы верно опередить преступника. Ясно излагаю?

— Так может, его сразу убить? — прямодушно предложил урядник.

Мазепа покачал головой:

— Не бывать тебе унтером, Громыхайло. Начальство понимать не умеешь. Ещё раз повторю: будет сидеть господин смиренно, значит, пусть и сидит себе. А вдруг руками баловать начнёт, тогда и стреляй без задержки.

— Мне бы покушать чего, ваше высокоблагородие, руки трясутся кой день. А так всё в лучшем виде исполню. Согласные мы.

— Подойди сюда. Вспомоществление тебе в десять рублей выдам. Грамотный? Тогда ставь вот здесь свою подпись и ступай домой. Завтра чтоб с утра у меня был. Искушаем кофию и отправимся. Но гляди: наберёшься водки, упеку в рудники на веки вечные.

Тут мне хотелось бы, следуя истине, поправить самого себя. Был ещё один человек, невольный посвящённый в тайну гибели Алымова. Это жена урядника — Глафира. Громыхайло, как только получил деньги, тут же завёлся в лавку и, потратив аж целых два рубля с полтиною, накупил баранок, селёдки, сахару и много ещё чего. Вывалив свёртки со снедью перед удивлённой супругой, похвастался:

— Готовь ужин, Петровна. Теперь кажин день так стомах свой ублажать будем.

Глафира, крупная и видная — под стать мужу — бабёнка, с посеревшей, однако, от постоянной нужды кожей, засуетилась у стола.

— Ларион Ульяныч, — освобождая от икры селёдку, спросила вкрадчиво, — а что рыба, она откуда? День-то выдачи жалованья рази сегодня?

— Вот завтрава ротмистр поручил мне важного подпольщика напужать, а то и пристрелить, тогда, говорит, в унтеры выйдешь. И денег дал. А те, что сын пропил, обещал списать без претензий. Благодарю господа нашего, заживём вдвое лучше против прежнего, — хлопнул её по чреслам Громыхайло.

Счастливая женщина не удивилась словам мужа. Сам службу такую выбрал: он стреляет, в него стреляют. Ни вздохом, ни упрёком не огорчила благоверного. И унтером спокойно проводила его, наказав купить, как домой возвращаться станет, фунта два семечек подсолнечных. Истосковалась душа, мол, по жареным. Громыхайло крякнул досадливо: эх, деревенщина! Но разве откажешь?

Мазепа, оглядев чисто выбритого, помолодевшего как будто за ночь урядника, остался доволен:

— Только винтовку свою оставь, налегке пойдём, — и сам перекинул через пле-

чо городского оранжевый шнурок с кобурой. — Надеюсь, не забыл, как с наганом управляться?

Они подъехали к дому недалеко от площади Ермака аккуратно в обеденное время. Алымов пил чай. Граммофон голосом Саша Давыдова кручинился об увядших розах, и в глазах гувернантки Стеши таились слезы. Услышав звонок в передней, она пошла узнать, кого принесло в столь неудобный час, и вернулась встревоженной.

— Цезарь Юльевич, там полиция.

— Полиция? — отставил чашку Алымов. — Что они хотят?

Барышня указала на дверь.

— Вас требуют.

— Ну что ж, проси господ. Пусть прямо сюда проходят, а сама иди, пожалуй. На сегодня ты мне больше не нужна.

Стеша попрощалась и покинула дом. А в столовой завязалась короткая и нервная беседа.

— Ротмистр Мазепа, охранное отделение, — войдя, представился Иринарх Гаврилович. — Вы Алымов Цезарь Юльевич? Тогда имею задать вам несколько вопросов.

Алымов, даже не привстав со стула, усмехнулся:

— Извините, господин жандарм, но предложить вам сесть у меня нет ни малейшего желания, как нет такового и откровенничать с вами. Хотя! Очень любопытно: зачем я вам понадобился и почему вы пожаловали именно сюда, а не пригласили меня для разговора в своё учреждение? Случилось что-то серьёзное?

— Случилось. Но для начала перемените тон, штабс-капитан, — угрожающе потребовал Мазепа. — В вашем положении следует быть более учтивым.

— Каком положении?

— Любопытно, — Мазепа помолчал и пошёл напролом. — Укажите нам, милейший, сегодняшнее местонахождение известной вам мешчанки Денисовой, и мы мирно расстанемся. В противном случае я вынужден буду привлечь вас к ответственности за укрывательство особо опасной государственной преступницы. И что ещё хуже — за помощь ей в совершении злостного убийства.

— Помилуйте, ротмистр, но какое же убийство могла совершить Татьяна Андреевна? Она же совсем ещё девочка и калека притом!

— Да бросьте вы эти сопли: девочка, калека. Эсерка она, член боевой организации. И не говорите мне, что вы не знали об этом. Я бы на вашем месте застрелился, Алымов, чтобы в дальнейшем избежать позора разоблачения и постыдного наказания.

Цезарь Юльевич внимательно посмотрел в глаза жандарму:

— Нет уж, стреляйтесь сами, Мазепа, — и сделал роковой жест — потянулся рукой в карман за платком.

Громыхайло, стоявший за спиной ротмистра, тут же выстрелил.

Дальше — пунктирно.

Алымова при большом стечении народа похоронили со всеми возможными почестями. Отпевание. Речи над могилой. Золотые трубы оркестра и чёрная вуаль Оленьки Угрюмовой.

Громыхайло от греха подальше тихо отправили на пенсию, посоветовав реже показываться на людях.

Убийц Богоявленского так и не нашли. И следствием этого стала скорая отставка полковника Устинова, а следом и любителя ночных развлечений — вице-губернатора Тройницкого.

Выслали из города и Люсьен Дюшон, которая, поговаривали, скоро объявилась под именем Софи Монтаньяри уже в Новониколаевске, где обольстила и разорила дряхлого миллионщика Сажина.

Цирковых лошадей спешно и как-будто втридешеве продал приехавший из Москвы брат Цезаря Юльевича. Он же, рассчитавшись с трупой, распустил её за ненадобностью.

Часть вторая следует